Историческое расследование
Оккупация
Б.В.Соколов
СССР
Правда и мифы
ЭКСМО
ПРЕСС

Борис Соколов

Оккупация. Правда и мифы

Соколов Б. В.

Оккупация. Правда и мифы / Б. В. Соколов —

Мы привыкли к традиционным образам народных мстителей, презренных предателей и фашистских захватчиков, творящих немыслимые зверства на оккупированной в годы Великой Отечественной войны территории Советского Союза. Но какими были эти люди на самом деле? Как жили, боролись и умирали в то страшное время? Автор рассказывает о трагедии войны и оккупации на основе новых архивных документов и отвечает на многие вопросы, которые историки прежде обходили пристальным вниманием.

© Соколов Б. В.

Содержание

Предисловие 5
Приказано выжить 7
Схватка за «жизненное пространство» 9
Военнопленные – враги 20
Как в Москве готовились к партизанской войне 23
Партизаны против крестьян. Крестьяне против партизан 28
«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин» 34
Советские партизаны: взгляд из Берлина 40
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Б. В. Соколов
Оккупация. Правда и мифы

Предисловие

Взгляды авторов серии не всегда совпадают с мнением редакции.

Три года, три страшных, казавшихся бесконечными года, во время Великой Отечественной войны почти треть населения СССР, а это более 70 миллионов человек, прожила в условиях жестокой немецкой оккупации. Что им приходилось выносить? Почему одни шли в партизаны, а другие – в коллаборационисты, пособники оккупантов? И только ли советские партизанские отряды сражались против немцев и их союзников? На все эти и многие другие вопросы наши историки десятилетиями не давали внятного ответа.

Я попытаюсь рассказать о том, как трагедия порой соседствовала с фарсом, преступление с подвигом, а высота души с низменными инстинктами. Как советские люди привыкали к нечеловеческим условиям существования, когда каждый следующий день мог оказаться последним днем жизни, причем пулю можно было получить не только от врага, но и от своего брата-партизана.

В своей книге я отнюдь не претендую как на установление истины в последней инстанции, так и на то, чтобы дать всестороннюю и исчерпывающую картину жизни и борьбы на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Я сознательно старался высветить лишь отдельные ее фрагменты, прежде, в советское время, остававшиеся в тени. Поэтому в книге гораздо меньше, чем прежде, говорится о героизме партизан и подпольщиков. О подвигах и славе написаны уже многие тома мемуаров и исследований. Но очень слабо освещена трагедия жизни на захваченных территориях, трагедия «дьявольской альтернативы» между Сталиным и Гитлером, особенно остро стоявшая перед военнопленными и теми, кто оказался под оккупацией. А уж о том, что среди коллаборационистов встречались по-своему убежденные люди, сотрудничавшие с немцами отнюдь не из шкурнических интересов, равно как и то, что советские партизаны порой становились для мирного населения не меньшим бедствием, чем германские оккупанты, в советскую пору писать было абсолютно невозможно. Эта часть правды содержится в документах, десятилетиями хранившихся под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно». Лишь в последние годы к закрытым архивам получили доступ исследователи, но их публикации по-прежнему редки.

Я не случайно делаю основной упор на обильное цитирование документов. Их язык нередко более красноречив, чем литературное описание событий 1941—1944 годов на оккупированных территориях. Порой чтение этих бумаг вызывает гнев не против немцев и их пособников, а против чинов НКВД и советских партийных лидеров, не менее своих германских коллег повинных в преступлениях против человечности.

И все же нельзя забывать, что на оккупированных территориях Советского Союза нацисты и их «добровольные помощники» из числа местных жителей на несколько порядков больше уничтожили невинных людей и совершили злодеяний, чем чины НКВД и их подручные.

Время советских преступлений пришло после освобождения от оккупации, когда расстреливались и депортировались сотни тысяч заподозренных в сотрудничестве с немцами и сторонников независимости стран Балтии и Украины. Но эти не менее трагические события остались за пределами нашего повествования.

Хочу принести искреннюю благодарность сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Без фондов этого архива книга не могла быть написана.

Приказано выжить

Выжить. Вот что было главной целью всех, кто находился на оккупированной советской территории. Способы выживания избирали разные. Одни шли в партизаны, причем воевавшие не обязательно на стороне Советов. Другие поступали на службу в полицию, вермахт или СС, становились старостами или бургомистрами, работали в открытых оккупантами больницах и школах.

Но перед немецкими солдатами, полицейскими и чиновниками задача выжить стояла не менее остро. Многие радовались, что избавлены от встречи с танками и пушками Красной Армии на фронте, но радовались недолго: очень скоро выяснилось, что у них не меньше, чем у солдат в окопах, шансов погибнуть – от партизанской пули или мины. Другие же искали спасения от смерти, казалось бы, в самом пекле, – дезертировали из рядов вермахта и даже СС в партизанские отряды. Третьи «косили» от фронта в тыловых госпиталях. А четвертые, войдя в состав карательных отрядов или зондеркоманд Службы безопасности (СД), тешили себя надеждой, что, уничтожая «все, что движется», можно обеспечить собственное выживание.

Большинство же мирных жителей стремилось к одному: не попасть под пули, безразлично – немецкие или партизанские, добыть хлеба, картофеля и иных продуктов для себя и своей семьи, чтобы не умереть с голоду, достать хоть немного дров или угля, сохранить теплые вещи, чтобы не погибнуть от холода. Интересы всех этих людей сталкивались, а бороться им приходилось за довольно ограниченные ресурсы территорий, с которых, кроме того, снабжалась многомиллионная германская армия в России.

Условия выживания в решающей степени зависели от расовой, а точнее, этнической принадлежности человека. Бывший уполномоченный по борьбе с партизанами на Востоке обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевски, представ в качестве свидетеля перед Нюрнбергским трибуналом, показал, что Гиммлер в речи, произнесенной накануне похода на Россию, призвал уменьшить общую численность славянского населения Польши и оккупированных территорий СССР на 30 миллионов человек. Расовая доктрина национал-социализма не оставляла места на земле народам, лишенным родины-почвы, – евреям и цыганам. Все они подлежали поголовному уничтожению. Дальше по «шкале вредоносности» шли поляки – на протяжении пяти веков враги Германии, численность которых надлежало максимально уменьшить, а государственность ликвидировать. Поскольку проживавшие в Белоруссии поляки, как правило, имели более высокий образовательный уровень, чем белорусы, их иногда назначали старостами, бургомистрами и членами управ. Но оккупанты рассматривали это как временное явление. В январе 1943 года начальник СС и полиции в Белоруссии Гофман заявил: «В каждом поляке надо видеть противника, который пытается маскироваться. Поэтому там, где в некоторых деревнях (белорусских. – *Б.С.*) еще служат польские бургомистры, они по возможности быстрее должны быть устранены».

Русских и белорусов немцы, так же как и поляков, считали «недочеловеками» – «унтерманшами», но они пользовались преимуществом перед поляками при назначении в органы управления на оккупированных территориях. При этом жители Западной, польской, Белоруссии казались более благонадежными, чем «восточники», зараженные, как полагали оккупанты, советским, коммунистическим духом.

Более высокую ступень расовой пирамиды занимали литовцы и украинцы (в последнем случае жителям западных областей также отдавалось предпочтение перед жителями восточных). Однако из-за длительного существования на одной территории и «расового смешения» с поляками ни литовцы, ни украинцы не считались «арийскими народами».

Этой чести из населения СССР удостоились только эстонцы, латыши, казаки, татары Крыма и Поволжья, калмыки, осетины, ингуши, чеченцы и ряд других народов Северного Кавказа и Закавказья. В перспективе они подлежали германизации и должны были составить единую общность с германским народом. Пока же их представители пользовались преимуществом при назначении на административные должности на всех оккупированных советских территориях и могли беспрепятственно создавать боевые формирования в составе вермахта и СС.

Наконец, на самой вершине пирамиды находились фольксдойче (народные немцы) – лица немецкой национальности, проживавшие на советской территории, а также в Польше. Они нередко занимали высокие административные посты, служили переводчиками в немецких оккупационных органах, вливались в ряды вермахта и СС. Однако из-за длительного проживания этих людей и их предков за пределами рейха фольксдойче считались не вполне политически благонадежными и чистыми в расовом отношении. Поэтому на их продвижение по службе были наложены определенные негласные ограничения.

Формально фольксдойче имели самые благоприятные возможности выжить в условиях германской оккупации, однако еще до прихода германских войск многие из них были депортированы или расстреляны органами НКВД. Впоследствии же фольксдойче стали мишенями для партизан. Зато те из них, кто потом вместе с отступавшей германской армией попал к западным союзникам, мог не опасаться выдачи в руки Сталина. Столь же везучими оказались западные украинцы и западные белорусы, поляки, эстонцы, литовцы и латыши. Хуже пришлось казакам и «арийцам» из кавказских народностей, русским и уроженцам восточных областей Украины и Белоруссии. Союзники безжалостно направляли этих людей в советские зоны оккупации Германии и Австрии. Для многих это означало одно – смерть от чекистских пуль или в ГУЛАГе.

И еще. Важно помнить, что достойные люди были и среди солдат и офицеров оккупационной армии, и среди коллаборационистов. Но с обеих воюющих сторон нередко встречались типы, склонные к садизму и способные выполнить любой приказ. И в зондеркоманды СД, и в расстрельные команды НКВД происходил своеобразный и тщательный отбор тех, кто по своим морально-психологическим качествам годился для нелегкой палаческой работы. Это был настоящий «золотой фонд» тоталитарных режимов. «Герои» Катыни со шпалами и кубарями на воротниках коверкотовых гимнастерок по своей циничности и безразличию к страданиям людей не уступали «героям» Бабьего Яра, облаченным в мундиры с эсэсовскими рунами. А ведь именно по ним немцы судили о русских, а русские – о немцах. Подлинными преступниками были руководители Советского Союза и германского рейха – сотни людей, отдававших жестокие приказы, и десятки тысяч исполнителей. Миллионы же оказались вольными или невольными соучастниками преступлений.

Схватка за «жизненное пространство»

Гитлер и другие руководители Германии, начиная войну против СССР, смотрели на советскую территорию как на место создания новых немецких поселений и источник почти дарового сырья и энергии. Населению же отводилась роль дешевой рабочей силы по обслуживанию нужд рейха и германских колонистов на Востоке. Однако в 1941-м Гитлер и его соратники, которые рассчитывали в войне с Россией на блицкриг, не проявляли специальной заинтересованности в сохранении мирных жителей и военнопленных. В 1942 году, когда борьба на советско-германском фронте приобрела затяжной характер, они еще не готовы были отказаться от взгляда на занятую территорию и ее население как на колонию и рабов. Только после Сталинграда германская администрация делает попытку повернуться лицом к тем, кто готов был сотрудничать с оккупантами. Теперь уже все народы, кроме евреев, цыган и поляков, признавались арийцами, и им разрешалось создавать свои национальные формирования в войсках СС, а также собственную вертикаль местного самоуправления. Однако к тому времени предложение услуг коллаборационистами продолжало падать, а площадь захваченной территории, благодаря безостановочному наступлению Красной Армии, – неуклонно сокращаться.

Но освобождение, избавив народ от ужасов нацистского террора, несло с собой все прелести коммунистического правления. Бывшие военнопленные и жители оккупированных территорий были объявлены гражданами второго сорта, а полицейские и сотрудники органов оккупационной администрации, даже те, кто позднее перешел на сторону партизан, подверглись репрессиям. Для населения регионов, насильственно включенных в состав СССР в 1939—1940 годах, возвращение Красной Армии и советской власти стало не чем иным, как еще одной оккупацией, не менее жестокой, чем германская. Не случайно советским войскам пришлось вести тяжелую борьбу с польским, украинским, литовским, латышским и эстонским партизанским движением – борьбу, затянувшуюся до начала 50-х годов. Террор, который в ходе войны и после нее развернули чекисты против «наказанных народов» Северного Кавказа и Крыма, а также против немецкого населения СССР, поляков и жителей Западной Украины и Прибалтики, вполне сопоставим с террором нацистов на оккупированных территориях.

Но не будем забегать вперед. Сначала значительная часть населения, причем не только недавно аннексированных территорий, приветствовала германские войска как своих освободителей от коммунистического гнета. Тому есть весьма надежные свидетельства. Например, руководитель подпольного просоветского «Комитета содействия Красной Армии» в Могилеве К. Ю. Мэттэ докладывал Центральному штабу партизанского движения 19 апреля 1943 года: «Количество населения в городе уменьшилось до 47 тысяч (до войны было более 100 тысяч). Значительная часть советски настроенного населения ушла с Красной Армией или же вынуждена была молчать и маскироваться. Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т.д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др.

Очень многие молодые женщины и девушки начали усиленно знакомиться с немецкими офицерами и солдатами, приглашать их на свои квартиры, гулять с ними и т.д. Казалось как-то странным и удивительным, почему немцы имеют так много своих сторонников среди нашего населения.

Немцы сразу после прихода в город, кроме усиленной антисоветской агитации, провели широкую вербовку в тайную агентуру, особенно молодых девушек и женщин, в том числе бывших комсомолок…

Говоря о молодежи, нужно отметить, что очень резко бросалось в глаза отсутствие у значительной ее части патриотизма, коммунистического мировоззрения… Такое поведение, по-моему, явилось результатом слабого воспитания в советском духе в семье, школе и комсомоле».

Казимира Юльяновича трудно было заподозрить в прогерманских настроениях. Школьный учитель, сын крестьянина-середняка, он, хоть и беспартийный, еще с начала 1934 года состоял секретным сотрудником ГПУ – НКВД. Мэттэ рассказывал в автобиографии: «На втором курсе института аспирантуры (Белорусской академии наук. – *Б.С.*) я был арестован (6 ноября 1933 года) и осужден Особым совещанием при Коллегии ОГПУ (в Москве) в феврале месяце 1934 г. по ст. 58 (10, 11) УК РСФСР (антисоветская агитация и участие в контрреволюционной организации. – *Б.С.*) на три года исправительно-трудовых лагерей. Через 2,5 года я был освобожден.

Во время следствия я не дал никаких показаний о своей виновности, так как ни антисоветской агитации я никогда не вел и не принадлежал ни к какой контрреволюционной организации… По поручению органов НКВД работаю по секретной линии с начала 1934 года и до настоящего времени. В 1941 году по поручению работника Могилевского управления НКВД БССР Кагановича остался для нелегальной работы в г. Могилеве после прихода немцев. Являлся инициатором создания и руководителем подпольной организации в г. Могилеве «Комитета содействия Красной Армии».

Ввиду безусловной угрозы ареста я и моя жена с двухлетним сыном убежали из города 10.11.43 г. в 6-ю партизанскую бригаду Белоруссии, где и нахожусь в настоящее время. Я по национальности белорус. Мать моя из местных католиков, поэтому я учился в польских школах и хорошо знал польский язык».

Вот почему, вероятно, чекисты и проявили повышенный интерес к Мэттэ: он хорошо знал польский язык. Его арестовали, завербовали и, возможно, планировали направить на нелегальную работу в Польшу Для начала же Казимира. Юльяновича использовали как сексота в лагере, а потом, с 1936 года, – в школах Могилева, где он преподавал русский язык и литературу. Но в 1939-м Польша пала под ударами вермахта и Красной Армии, и, очевидно, от идеи засылки туда агента-нелегала пришлось отказаться. А через два года Мэттэ работал в подполье уже на родной белорусской земле.

То же самое произошло и с легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым. ГПУ заинтересовалось человеком, блестяще владевшим немецким, арестовало его и в начале 1930-х завербовало. Подержало в тюрьме внутрикамерной «наседкой», а затем стало готовить к работе разведчиком-нелегалом в Германии. Но с началом Великой Отечественной Кузнецов в роли обер-лейтенанта Пауля Зиберта появился не в Берлине или Кенигсберге, а на улицах Ровно – столицы рейхскомиссариата Украины…

Надо сказать, что с немцами сотрудничали не только комсомольцы, но и коммунисты. Секретарь Кормянского райкома ВЛКСМ Гомельской области Рытиков жаловался в ЦК Компартии Белоруссии: «Оставшаяся часть коммунистов в районе с 13 августа (1941 года. – *Б.С.*) была в лесу, но примерно 10 сентября все разошлись по домам, дело было так: немцы объявили, что, кто против нас берет оружие, того мы расстреляем, а кто будет с нами работать, тот подучит работу и будет спокойно жить. После этого неустойчивые коммунисты начали по одному уходить домой».

Рытиков привел список 11 «нестойких», который открывал «Кузменков Афанасий Васильевич – работал секретарем РИКа, ушел домой и сейчас с немцами раскатывается на машине, выпивает». Упоминался в списке и бывший заведующий райфинотделом Александр Осипович Степура, который успел даже попартизанить – «был командиром взвода, продался немцам и работает сейчас начальником еврейского лагеря и одновременно плановиком (по разработке планов на питание и др.)». Но особое неудовольствие Рытикова вызвала «Гордон Дора Мар-

ковна – работала заврайздравотделом, которую Кузменков принял под свою опеку, по рассказам мне доктора Бобариненой, Кузменков заставил Гордон, как еврейку, принять русскую веру, каковая ходила в Журавичский район к попу для принятия веры, поп передал ей молитвы, которые она изучала и через полмесяца ходила опять сдавать наизусть». Бедная Дора Марковна таким образом пыталась избежать гибели. Да и Кузменков, похоже, был не таким уж плохим человеком, раз, став районным бургомистром, пытался спасти еврейку, хотя знал: если дело откроется, его непременно расстреляют. Но малограмотный комсомольский вожак Рытиков готов был даже вынужденное принятие православной веры поставить в вину коммунистке Гордон.

А вот как антикоммунист П. Ильинский, после войны оказавшийся на Западе, описывает настроение селян в окрестностях Полоцка: «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым. Ближайшее будущее никто иначе просто не мог себе представить. Все ждали также с полной готовностью мобилизации мужского населения в армию (большевики не успели произвести мобилизацию полностью); сотни заявлений о приеме добровольцев посылались в ортскомендатуру, которая не успела даже хорошенько осмотреться на месте».

Однако эти надежды рассеялись как дым. Тот же Ильинский десятилетие спустя после окончания войны писал: «Только теперь… зная досконально чудовищные идеологические основы Третьего рейха, мы можем понять, в какое бешенство должна была приводить столпов национал-социализма наша претензия на участие в вооруженной борьбе против большевиков. Ни о русских формированиях, ни о мобилизации, ни о приеме добровольцев не могло быть тогда, конечно, и речи! Протянутая рука была отвергнута и осталась беспомощно висеть в воздухе».

Еще более отчетливо, чем в России и Белоруссии, прогерманские настроения проявлялись на Западной Украине, но и здесь немцы не попытались создать союзную им украинскую армию. Один из руководителей абвера, Пауль Леверкюн, подробно написал об этой упущенной возможности в своих мемуарах. Он связывал ошибки в германской политике на оккупированных территориях с позицией Гитлера и других руководителей национал-социалистической партии: «Зимой 1940-1941 годов в лагере Нойхаммер под Лигницем был сформирован батальон из бывших военнослужащих польской армии украинской национальности. Роты этого батальона состояли из солдат, получивших хорошую подготовку в польской армии и отобранных из лагерей для военнопленных с помощью организации западных украинцев (имеется в виду ОУН – Организация украинских националистов, два соперничавших крыла которой возглавляли Степан Бандера и полковник Андрей Мельник. – *Б.С.*)… Украинским командиром этого батальона был отважный партизанский командир (имеется в виду один из руководителей Украинской повстанческой армии – УПА – Роман Шухевич, известный под псевдонимом Тарас Чупринка; он погиб в бою с войсками МГБ в марте или июне 1950 года под Львовом. – *Б.С.*). Этот батальон… к сожалению очень плохо оснащенный, был назван для маскировки «Нахтигаль» (Соловей), потому что он имел хор, который мог бы поспорить с лучшими, получившими международную известность казачьими хорами. Он вошел в состав полка «Бранденбург» (солдаты и офицеры которого подчинялись абверу и предназначались для разведывательно-диверсионной деятельности. – *Б.С.*), где уже был один батальон, и 22 июня 1941 года вступил на территорию Советского Союза. В боях за Львов разведчики батальона установили, что во Львове производятся массовые расстрелы украинских националистов, и побудили командиров обоих батальонов вступить во Львов в ночь с 29 на 30 июня 1941 года, за 7 часов до установленного срока наступления 1-й горнострелковой дивизии. В этом деле особенно отличился украинский батальон. Украинское командование батальона заняло радиостанцию Львова и передало в эфир прокламацию о создании свободной, самостоятельной Западной Украины. Вскоре после-

довал резкий протест ведомства Розенберга (министерства по делам восточных территорий. – *Б.С.*), и при дальнейшем продвижении на Украину, когда батальон особо отличился в боях за Винницу, происходило постепенное изменение настроения его солдат и офицеров. Только что созданное Восточное министерство изъяло Западную Украину… из украинского государства, создание которого планировалось украинским командованием, и включило эту область с особо надежным населением в состав генерал-губернаторства, т. е. остатков польского государства.

В результате этого украинский батальон, который во Львове у десятков тысяч освобожденных западных украинцев зажег готовность к борьбе, стал ненадежным, в нем начались бунты, и его вынуждены были распустить. Здесь была упущена большая возможность. Капитан Оберлендер (политический руководитель батальона. – *Б.С.*) в то время попытался добиться аудиенции у Гитлера, и он добрался-таки до Гитлера. Гитлер прервал его доклад об Украине и сказал: «Вы в этом ничего не понимаете. Россия – это наша Африка, русские – это наши негры». Оберлендер позднее сказал командиру «Бранденбурга»: «С этим мнением Гитлера война проиграна».

Добавлю, что 30 июня 1941 года во Львове фракция Бандеры образовала правительство, претендовавшее на власть над всей Украиной. Но Бандера 5 июля 1941 года был арестован в Кракове и помещен в концлагерь Заксенхаузен, а 10 июля во Львове заключили под стражу и ведущих членов украинского правительства. «Нахтигаль» четырьмя днями ранее предусмотрительно убрали из города, чтобы избежать эксцессов. Так что, вопреки утверждениям советской пропаганды, люди Шухевича не имели никакого отношения к начавшемуся позднее уничтожению евреев и польской интеллигенции Львова. Это было установлено в ходе расследования на слушаниях в американском конгрессе в 1954 году. Тогда же выяснилось, что руководства ОУН (Бандеры) и УПА совсем не были причастны к «окончательному решению еврейского вопроса», как именовали нацисты мероприятия по истреблению еврейского населения рейха и оккупированных территорий, и прекратили сотрудничество с немцами вскоре после разгона правительства во Львове.

Иначе обстояло дело с руководителями более низкого уровня и рядовыми членами организации. Бойцы батальона «Нахтигаль» были потрясены, узнав, что немцы разогнали украинское правительство. Однако они решили, что пока рано рвать с немцами – лучше запастись оружием и получить военные знания. Еще больше года «Нахтигаль» вместе с СС и полицией сражался против советских партизан в Белоруссии. Только в октябре 1942-го весь личный состав батальона отказался продлить очередной годовой контракт на службу в немецкой армии. После этого украинских офицеров арестовали, а над солдатами установили полицейский надзор. Шухевич вместе с частью своих соратников бежал из-под ареста в карпатские леса, положив начало организации Украинской повстанческой армии.

В 1941—1944 годах УПА вела борьбу с немцами, а также с отрядами польской Армии Крайовой и советских партизан. Повстанцы действовали на территории польской Украины, Северной Буковины и входившего в состав Венгрии Закарпатья (там они сражались и с гонведами – солдатами венгерской армии). Немцы оценивали численность УПА в 80—100 тысяч бойцов. Уцелевшие и оказавшиеся в эмиграции руководители повстанцев утверждали, что в рядах УПА состояло от 200 до 400 тысяч человек. Солдаты и офицеры УПА располагали лишь очень ограниченным количеством боеприпасов. В отличие от советских партизан, они не получали никакого снабжения из-за линии фронта. Поэтому сторонники Бандеры могли нападать только на небольшие группы и гарнизоны немецких военнослужащих.

Об одной из групп УПА можно судить по донесению начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко от 5 декабря 1942 года: «Товарищ Сталин! По сообщению Сабурова, в лесах Полесья, в районах Пинск, Шумск, Мизочь имеются большие группы украинских националистов под руководством лица, законспирированного кличкой

Тарас Бульба. Мелкие группы партизан националистами разоружаются и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады.

В листовках националисты пишут: «Бий кацапа москаля, гони его видциля, вин тоби не потребен».

Крупный националист Бендера немцами расстрелян.

По сообщению другого источника, националисты под руководством «Тараса Бульбы» находятся количеством 50 000 человек в 6 км восточнее деревни Ле-нын, что 35 км юго-восточнее Сарны, оборудуют зимние квартиры».

Возможно, численность армии Бульбы (Боровца) преувеличена, но она наверняка насчитывала десятки тысяч человек, а. значит, всего в рядах УПА вполне могли состоять 400 тысяч бойцов. Но вот Степана Бандеру Пономаренко поторопился похоронить. Об устранении этого человека уже после войны пришлось позаботиться КГБ. Степан Андреевич был убит в Мюнхене лишь в 1959 году.

Замечу также, что Пантелеймон Кондратьевич, как и другие советские функционеры, сознательно или случайно перевирал фамилию лидера украинских националистов – Бендера вместо Бандера. Может быть, коммунистам не нравилось, что «Бандера» – это польское слово, означающее «знамя». Присутствует оно и в испанском и в итальянском языках, отсюда знаменитая песня итальянских коммунистов «Бандера Росса» («Красное знамя»). Иногда же в советских публикациях фамилия Бандера возводилась к слову «банда», что тоже, кстати сказать, не лишено основания. Ведь «бандера» (знамя) происходит от итальянского «банда» – в первоначальном значении «отряд наемников» (бандера же – знамя такого отряда, а позднее так стали называть и сам отряд).

Большинство западно-украинского населения не поддерживало коммунистических партизан, приходивших с Восточной Украины, и предпочитало выдавать их немцам – свои украинские повстанцы, хуже вооруженные, не могли с ними справиться. М. И. Наумов, командир партизанского соединения, совершившего несколько рейдов на Правобережную Украину, рассказывал в мемуарах, как в марте 1944 года один из его отрядов, Рава-Русский, был полностью уничтожен в деревне Завоны близ Буга, причем немецких карателей навели на место ночевки партизан бандеровские агенты.

Отметим, что нередко украинские повстанцы, равно как и их польские противники, жестоко расправлялись с евреями, хотя руководство ОУН и УПА, а также командование Армии Крайовой и польское правительство в Лондоне антисемитизм осуждали.

Фракция Бандеры после ареста своего лидера стала ориентироваться на силы только украинского народа. Главными противниками признавались нацистская и большевистская диктатуры. К западным союзникам бандеровцы относились без враждебности, но на помощь их не рассчитывали. Правда, до войны ОУН финансировалась в значительной мере украинской диаспорой в Америке, но влияния на правящие круги этой страны она не имела. Борьба УПА, равно как и прибалтийских «лесных братьев», с самого начала отличалась безнадежностью и ожесточенностью отчаяния. Поляки из Армии Крайовой хотя бы представляли правительство, признанное западными державами, а до 1943 года – и Советским Союзом. Украинские же, литовские, латышские и эстонские повстанцы надеялись только на собственные силы, а бороться им приходилось как с Германией, так и с Советским Союзом.

Украинские националисты воевали под лозунгами «За самостоятельное, свободное Украинское государство» и «Свобода народам, свобода человеку». В листовке 1942 года, выпущенной УПА, утверждалось, что украинские повстанцы борются «за новый, справедливый лад и порядок в Украине, без господ, помещиков, капиталистов и большевистских комиссаров. За новый справедливый международный лад и порядок в мире, обеспечивающий права и независимость каждого народа. Против немецких и московских захватчиков, которые стремятся покорить и поработить украинский народ».

Весной 1943 года в связи с поражениями вермахта III конференция ОУН приняла решение активизировать борьбу. Ранее бойцы УПА ограничивались защитой населения от угона в Германию, не позволяли немцам забирать у крестьян скот и продукты, а также нападали на небольшие группы немецких солдат и полицейские гарнизоны. Теперь предполагалось атаковать и отдельные немецкие части.

Ситуацию на Украине очень точно охарактеризовали постановления III Чрезвычайного большого сбора Организации украинских националистов, принятые 3 августа 1943 года: «Сам факт существования СССР представлял и представляет реальную угрозу возврата большевистского режима на Украине. Преследуя официально только отдельные слои населения, московско-большевистский режим создает для остального народа фикцию мирной и спокойной жизни и обманчивой перспективы счастья и пожеланий на будущее. Большевистская оккупационная система, в противовес немецкой, задерживает политическую активизацию целых масс и создание единого фронта всех народных сил. Характерно при этом то, что политические наступления немецкого гитлеризма и московского большевизма на украинской территории не ликвидировали себя во взаимном ударе и даже не нейтрализовались. Продвигаясь отдельно и преследуя свои цели, они пополнялись и облегчали свою работу. Часть слабого элемента, испуганная большевистским поворотом, видела спасение в немецкой силе; другая часть, битая беспощадно немецким колониальным сапогом, избирала, по своему мнению, меньшее горе, т. е. ожидала спасения от большевиков. Когда на Украине, как и в других странах, часть народа и сегодня ориентируется на большевиков, то это в значительной степени заслуга немецкой колониальной системы».

ОУН делала ставку на взаимное истощение сил Германии и СССР, надеясь на «возможность ударом изнутри достигнуть освобождения». Оуновцы высмеивали «слабые элементы», считавшие их «ориентацию на собственные силы» утопией. Социалистическая программа ОУН вызывала у масс симпатии: 8-часовой рабочий день, раздача помещичьих, монастырских и церковных земель крестьянам Западной Украины, признание и частной и коллективной собственности на землю, свободный выбор крестьянами формы собственности, государственная собственность – на крупные предприятия и частная и кооперативная – на мелкие, право национальных меньшинств на развитие своих культур, равноправие всех граждан Украины, независимо от их национальной, социальной или религиозной принадлежности, всеобщее право на труд, зарплату и отдых. Это не исключало отдельных расправ над мирным еврейским и польским населением, однако на программном уровне антисемитизм и антипольские установки отсутствовали. Программа ОУН была типичной для национальной организации, борющейся за независимость в колониальной стране. После войны десятки подобных движений пришли к власти в новых государствах Азии и Африки. Но ОУН так и не суждено было возглавить правительство Украины. Помня об опыте Первой мировой войны, соратники Бандеры наивно думали, что в России и Германии снова произойдут революции и это позволит Украине обрести наконец свободу. Но тоталитарные режимы оказались куда более стойкими, чем монархические, и независимость советских республик отодвинулась почти на полвека.

Борьба с УПА стоила жизни десяткам тысяч советских, немецких и польских солдат. Украинскими повстанцами были смертельно ранены начальник ополчения штурмовых отрядов обергруппенфюрер СА Виктор Лютце, советский генерал армии Н. Ф. Ватутин и заместитель министра обороны просоветского правительства Польши генерал брони Кароль Сверчевский.

В 1944—1945 годах УПА и «лесные братья» получили оружие и боеприпасы, брошенные вермахтом и его румынскими и венгерскими союзниками при отступлении. Этих запасов хватило еще на девять лет борьбы против советских войск. При отходе с Украины немцы передали часть вооружений УПА добровольно в расчете на то, что борьба украинских партизан ослабит советские войска.

Немцы использовали также антисоветские настроения значительной части русского и белорусского населения. Однако, как свидетельствует Мэттэ, «вскоре зверское обращение с русскими военнопленными и массовая их гибель в лагерях… вызвали большое озлобление против немцев и среди значительной обывательской части.

Грубое обращение, избиение резиновыми палками, расстрелы и виселицы возбуждали среди населения ненависть, толкали многих на активные выступления против немцев…

Голод, невероятная дороговизна на базаре, спекуляции немцев, грабеж и т.д. – все это восстанавливало их против немцев.

Победы Красной Армии и неудачи немцев на фронте показали, что война Советским Союзом не проиграна, и это подняло дух советских людей, а для всякой сволочи явилось крепким предупреждением и напоминанием о будущем возмездии».

О том же говорят как архивные документы, так и мемуары бывших советских граждан, оказавшихся после войны в эмиграции.

Вплоть до 1944 года Гитлер не намеревался создавать на занятых землях антикоммунистического русского правительства. «Восточные территории», мечтал фюрер, станут германскими колониями. В соответствии с этими планами все они были разделены на рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд», а также на оперативную зону, где власть осуществляла германская армия. Рейхскомиссариаты, в свою очередь, делились на генеральные комиссариаты. В состав «Остланда», например, входили генеральные комиссариаты «Белоруссия», «Литва», «Латвия» и «Эстония». Галиция и Белостокская область были присоединены к генерал-губернаторству (так немцы называли оккупированную Польшу), а часть пограничной белорусской территории – к Восточной Пруссии.

Значительно лучше, чем в зоне действия гражданской оккупационной администрации, где творили произвол подразделения СД и полиции порядка, было положение в оперативной зоне германской армии. Здесь власть принадлежала вермахту, который назначал комендантов, старост, бургомистров и определял порядок жизни местного населения. Е. А. Скрябина, дочь бывшего депутата Государственной Думы, писала в дневнике: «Большая часть населения Пятигорска «приняла» немецкую оккупацию. Произошло это в основном потому, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству. Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой. Знающие немецкий язык работают в немецких учреждениях переводчиками и курьерами, за что в дополнение к зарплате получают еще и продовольственные пайки. В церквах идут службы, венчания, крещения. Приводятся в порядок церкви и цветники. Открыты театры. Они всегда переполнены, и билеты нужно заказывать за несколько дней до спектакля» (запись от 15 ноября 1942 года).

В дневнике Елены Александровны есть немало примеров гуманного отношения немцев к русским, и причина тому – обычное человеческое участие. Так, квартировавший у Скрябиных в первые дни оккупации немецкий офицер Пауль «попросил у меня ключи от кладовки. И хотя девушек (сестер Бронштейн, в последующем им удалось скрыть свою еврейскую национальность и устроиться переводчицами в комендатуру. – *Б.С.*) там уже нет, мое сердце екнуло от страха. Вдруг он каким-то образом узнал о спрятанных там «сокровищах» и нас ожидает расплата за «преступление»?! Вскоре Пауль вернул ключи, не сказав ни слова. Я помчалась в кладовку и застыла: на столе и на полках лежали продукты. Их было много. Я не верила собственным глазам. Я спросила у Пауля: может быть, они заняли и нашу кладовку? Он ответил, что видит, как мы голодаем, и принес эти продукты нам».

Предложения о создании прогерманского правительства в России поступали и со стороны русских, причем задолго до появления в немецком плену генерала А. А. Власова. Так, еще 12 декабря 1941 года командующий окруженной под Вязьмой группировкой советских войск

генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, взятый в плен тяжелораненым (в немецком госпитале ему ампутировали ногу), говорил на допросе: «Если у крестьянина сегодня нет никакой собственности и он в лучшем случае (в Сибири) получает 4 кг хлеба на трудодень, если средний рабочий зарабатывает 300—500 рублей в месяц (и ничего не может купить на эти деньги), если в стране царят нужда и террор и жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что эти люди должны с благодарностью приветствовать освобождение от большевистского ига. Хорошо живется только высшим советским функционерам… и евреям.

Несмотря на это, я не верю ни в организованное, ни в стихийное восстание на русской стороне, уж очень обескровлен народ. Все, что в течение двух десятилетий поднималось против красных властителей, уничтожено, сослано либо умерло… Поэтому толчок должен произойти исключительно извне, т. е. вы силой должны опрокинуть организованную власть, не рассчитывая при этом на какую бы то ни было поддержку со стороны русского руководства или русского народа, как бы сильна ни была его ненависть к большевизму. Но этот народ нельзя больше наказывать… Не только в руководящих кругах, но и в народе живет дух сопротивления иноземному агрессору. Красные господа не чужие, но захватчик – это враг. Вот и льется кровь и на той, и на другой стороне».

Михаил Федорович прямо предложил допрашивавшему его переводчику разведотдела группы армий «Центр» капитану Вильфриду Штрик-Штрикфельдту – будущему «крестному отцу» Власова и РОА: «Не можете ли вы создать русское правительство?»

Несколько опешивший Вильфрид Карлович возразил: «Этот шаг, наверное, был бы ошибкой. Ведь вы сами сказали, что людей, которые могли бы взять на себя руководство, не осталось. Русский народ будет рассматривать сформированное нами правительство как послушный инструмент иностранного производства».

Но Лукин упрямо продолжал гнуть свою линию: «Если вы сформируете русское правительство, вы тем самым вызовете к жизни новую идею, которая будет работать сама на себя. Народ окажется перед лицом необычной ситуации: есть, значит, русское правительство, которое против Сталина, а Россия все еще жива; борьба направлена только против ненавистной большевистской системы; русские встали на сторону так называемого врага – значит, перейти к ним – не измена родине, а только отход от системы. Тут возникают новые надежды!»

Эти надежды не сбылись. Да и кандидатуры в новое правительство Лукин выдвигал довольно экстравагантные – маршалов-конармейцев Буденного и Тимошенко. Несколько ранее сформировать альтернативное русское правительство предлагали лидеры Локотской республики инженеры К. П. Воскобойник и Б. В. Каминский (о них – в одной из следующих глав). Однако Гитлер, повторяем, и слышать не хотел о сохранении российской государственности, по крайней мере в Европейской России.

Если бы немецкое руководство озаботилось созданием враждебного Сталину правительства России еще до начала операции «Барбаросса», то ход войны мог оказаться для немцев более благоприятным. Кстати, настроенные против коммунистического режима русские военные не имели ничего против украинской и белорусской независимости. Тот же Лукин сетовал, что до сих пор «мы ничего не слыхали об освобождении Украины или Белоруссии. А это означает, что и России не видать свободы и независимости».

Не очень надеялся Михаил Федорович на то, что немцы прислушаются к его советам. Но вот если бы прислушались, то, наверное, выполнили бы задачи плана «Барбаросса» и достигли бы линии Архангельск – Астрахань. Вермахт подкрепили бы десятки союзных русских, украинских и белорусских дивизий, Красная Армия оказалась бы отброшенной к Уралу. Ее боеспособность была бы катастрофически подорвана и зависела только от англо-американской помощи. Не исключено, что на не оккупированной немцами советской территории власть Сталина была бы свергнута и там образовалось какое-нибудь проамериканское правительство.

Но повлиял бы такой сценарий развития событий на итог Второй мировой войны? Вряд ли. Борьба на Восточном фронте не оказывала сколько-нибудь существенного воздействия ни на ход воздушной войны на Западе и битвы за Атлантику, ни на темпы разработки Манхэттенского проекта. На Востоке люфтваффе использовали не более трети своего самолетного парка и менее четверти общего числа истребителей. Как известно, англо-американская авиация завоевала полное господство в воздушном пространстве Германии и разрушила почти все заводы по производству синтетического бензина, к концу 1944 года посадив люфтваффе на землю. В отсутствие Восточного фронта это произошло бы немного позднее, возможно к концу 1945-го. Атомные же бомбы на рейх американцы сбросили бы, наверное, только в 1946-м, когда накопили бы их с дюжину. Все-таки вермахт еще не был разбит, и двух бомб могло не хватить. А уж после капитуляции Берлина Россию, скорее всего, ожидала бы оккупация англо-американскими войсками. Наблюдали бы мы в этом случае «российское экономическое чудо» по образцу германского и японского или попытка модернизации страны по западному образцу провалилась и России грозил бы хаос? Этот вопрос приходится оставить без ответа. Хотя в любом случае при осуществлении подобной альтернативы потери советского населения были бы меньше, чем в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Все-таки боевые действия длились бы в этом случае не четыре года, а от силы год-полтора. Населению пришлось бы кормить не 200 германских дивизий, а втрое меньше. И пленных бы немцы не уморили голодом, а поставили под ружье…

Но, конечно же, история развивалась по своим законам, и германские войска были не освободителями, а захватчиками. И больше половины почти четырех миллионов советских военнопленных 1941 года не дожили до весны 1942-го. Уже одно это обстоятельство катастрофически подорвало массовую базу любых возможных в будущем коллаборационистских формирований. Бесчеловечное обращение с пленными, равно как и не оставшееся в тайне «окончательное решение еврейского вопроса», показало и уцелевшим красноармейцам, и мирным жителям истинное лицо «восточной политики» Гитлера.

26 февраля 1943 года Эрих фон дем Бах-Зелевски подчеркивал в одной из директив: «Белоруссия является источником снабжения войсковых частей. Этот источник не должен иссякать. Именно в тех областях, где действуют бандиты, мероприятия по захвату должны достичь хороших результатов, так как здесь полный захват (продовольствия. – *Б.С.*) означает лишение бандитов жизненно важных для них ресурсов. Каждая тонна зерна, каждая корова, каждая лошадь дороже расстрелянного бандита».

Справедливости ради надо признать, что германские войска на Востоке постоянно испытывали нужду в продовольствии, а в первую военную зиму – и в теплой одежде. Вышедший из немецкого тыла коммунист Борис Васильевич Желваков на допросе 9 февраля 1942 года свидетельствовал: «Питание немцев состояло из маленькой черствой буханки хлеба на три дня, два раза несладкий кофе, один раз суп, который они едят без хлеба… немцам выдавали сладости в небольшой дозе, заставляли колхозников варить им картофель, который с жадностью собаки пожирали». Неудивительно, что голодные солдаты вермахта тащили у крестьян все: и домашнюю птицу, и прочую живность. Разумеется, это не добавляло симпатий к оккупантам. Уже в сентябре 1942 года одна из групп тайной полевой полиции в Белоруссии не слишком оптимистически оценивала настроение местного населения: «Только незначительное меньшинство сегодня действительно настроено пронемецки, основная масса занимает выжидательную позицию, а тайная вражда по отношению к немцам приняла такие размеры, что ее нельзя недооценивать».

Кстати, сельское хозяйство на оккупированных территориях было основательно подорвано не только военными действиями, но и предшествовавшей политикой. Насильственная коллективизация привела к тому, что на протяжении 30-х годов советское население, за исключением узкой привилегированной прослойки в городах, почти никогда не ело досыта. Осо-

бенно тяжело приходилось колхозникам, у которых все излишки продовольствия забирались в города и на продажу за границу для обеспечения ускоренной индустриализации.

Немцы в первые месяцы войны, надеясь на блицкриг, мало заботились о местных жителях. 16 сентября 1941 года, выступая перед чинами военно-хозяйственного управления, Герман Геринг откровенно заявил: «Ясно, что градация в снабжении продовольствием необходима. Сначала идут действующие войска, затем другие войска во вражеской стране и местные вооруженные формирования. Соответственно этому устанавливаются нормы питания. Затем снабжается немецкое гражданское население и лишь потом местное население оккупированных районов. Обеспечиваться продовольствием в занятых областях должны только те, кто работает на нас». А поскольку местные жители трудились без особого энтузиазма, приходилось использовать средства принуждения.

Тяжелым бременем ложилась и повинность по сдаче теплых вещей для нужд германской армии. 9 января 1942 года бургомистр Россонского района Калининской области требовал: «Несмотря на то, что добровольная сдача уже проведена… каждое хозяйство должно сдать одну мужскую шубу (можно и женскую), одну пару валенок, одну пару носков, одну пару перчаток… Против медлительных сдатчиков должны быть приняты беспощадные меры…»Местное самоуправление и права частной собственности немцы восстанавливали только в недавно присоединенных к СССР регионах. 14 июня 1942 года рейхсминистр оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг заявил на пресс-конференции в Берлине: «Нет ничего удивительного в том, что германские власти принимают в Белоруссии и на Украине другие решения в вопросе восстановления хозяйства, чем те решения, которые приняты в Литве, Латвии и Эстонии. Дело в том, что в результате 23-летнего хозяйничанья большевики разрушили в Белоруссии и на Украине все основы цивилизации. Перед лицом далеко идущих аграрных реформ Советской власти для германских властей не представлялось возможным покончить с наследием большевизма одним росчерком пера. Что же касается Литвы, Латвии и Эстонии, то в этих странах жизнь строится на основе самоуправления. Что правильно для одних, то может оказаться в корне ошибочным для других».

Германская пропаганда пыталась убедить население, что эксцессы, связанные с введением «нового порядка», – всего лишь временные трудности, вызванные условиями войны. В конце 1942 года издававшийся в Риге для рейхскомиссариата «Остланд» журнал «Новый путь» утверждал: «Мы знаем большевизм. Это в прошлом. Теперь каждый день нас знакомят с новой системой и новым порядком. Будем откровенны: многое еще не так, как нам обещает эта новая система. Но ведь теперь война! Большевизм многие годы кормил нас обещаниями лучшей жизни, достойной человека. Теперь она настала. Но ее дал нам не большевизм, а Адольф Гитлер. Прошло время кровавого режима НКВД! Зарождается новая жизнь. Рабочие имеют работу, крестьянин получил землю, растет строительство и развивается промышленность. Мы можем не бояться за свою будущность».

Широкая колонизация восточных земель немцами и «германскими народами», например голландцами или норвежцами, мыслилась только после победоносного окончания войны. Пробные же акции такого рода никакого результата не дали. По сообщению унтер-штурмфюрера СС Даннера от 21 апреля 1943 года, в районах Житомира и Калиновки готовились два поселка для фольксдойче, причем каждый немец должен был получить землю, ранее принадлежавшую двум или трем украинцам. Всего здесь предполагалось выселить 58 тысяч украинцев, место которых должны были занять 12-14 тысяч переселенцев. Однако зрелище они являли собой жалкое: «На вокзал Калиновки прибыл эшелон фольксдойче в количестве 6 тысяч человек… Из 6 тысяч говорят по-немецки только 400 человек. Остальные же люди вообще не внушают доверия, причем много детей и стариков, которые не способны выполнять тяжелую работу. Считаю, что дальнейшее переселение населения проводить пока не следует». Через

несколько месяцев немецкие войска были выбиты с Украины, и вопрос о колонизации отпал сам собой.

В партизанских газетах встречаются утверждения, что немцы во время карательных экспедиций истребляли не только славян, но и фольксдойче. Осиповичская «За Советскую Родину» от 12 апреля 1943 года писала: «Гитлеровские бандиты, как хищные звери, рыщут по деревням за очередной кровавой добычей. В своей предсмертной агонии они уничтожают не только русских людей, но даже тех, кого они считают людьми арийской крови. Недавно палачи Лапичского гарнизона растерзали двух женщин немецкой нации с деревни Аминовичи – Буловацкую (Редих) Э. Р. и Богуминскую (Редих) Т. Р. Но помните, фашистские псы, что за каждый грамм крови советского человека вы расплатитесь пудами своей поганой крови».

Трудно сказать, пострадали ли сестры Редих за связь с партизанами, или карателям было недосуг разбираться в их германском происхождении. Не исключено также, что их убили сами партизаны, а потом свалили вину на немцев, точно так же, как немцы порой собственные преступления приписывали партизанам.

Немцы так и не сумели установить эффективный контроль над оккупированными территориями. В идеале для этого требовалось около 450 тысяч полицейских, но далеко не везде нашлось достаточно желающих. Немецкие же гарнизоны имелись только в райцентрах и на важных железнодорожных станциях. Да и состояли они из охранных, полицейских подразделений и лишь в редких случаях – из боевых частей СС и вермахта. В подавляющем же большинстве деревень и поселков находились только немногочисленные отряды местной полиции или самообороны, которые не могли всерьез противостоять крупным партизанским отрядам и либо переходили на их сторону, либо подвергались истреблению, либо бежали в райцентры под защиту немецких штыков. Такая обстановка сохранялась на большей части территории Белоруссии, в ряде оккупированных областей России, в частности на Брянщине, в Украинском Полесье и на Западной Украине.

Военнопленные – враги

Поскольку СССР не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных и после начала Великой Отечественной войны отказался соблюдать два ее важнейших условия – обмен списками военнопленных и предоставление им права получать посылки с родины через Международный Красный Крест, у Гитлера появился великолепный предлог для того, чтобы почти легально морить советских военнопленных голодом. Попавшие в плен красноармейцы оказались не только без помощи с родины, но и без какой-либо международно-правовой защиты. Немцы расстреливали их по любому поводу и без всякого повода, надеясь, что победа рейха все спишет.

Смерть пленных от голода, болезней и расстрелы вполне укладывались в программу Гитлера по сокращению численности славянского населения, на несколько десятков миллионов человек. Почти две трети наших пленных – около четырех миллионов из шести – не дожили до конца войны.

Справедливости ради подчеркну, что и Сталин поощрял беспощадность по отношению к немецким пленным, рассчитывая ожесточить красноармейцев и отвадить их сдаваться в плен врагу с его неизбежными репрессиями. Он прямо рекомендовал своим генералам пленных расстреливать. Свидетельство тому – его разговор по прямому проводу с командующим Резервным фронтом Г. К. Жуковым 4 сентября

1941 года. Жуков сообщил, что «на нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что сегодня в ночь разбитая 23 пехотная дивизия сменена 267 дивизией и тут же он наблюдал части СС». Сталин отреагировал весьма своеобразно: «Вы в военнопленных не очень верьте, опросите его с пристрастием, а потом расстреляйте». Немцы же против советских перебежчиков репрессий не применяли.

Вот еще несколько примеров. В конце июля 1941 года под Николаевом солдаты вермахта нашли несколько сожженных заживо немцев. Чины НКВД постарались, чтобы жертвы мучились подольше, привязали несчастных к деревьям и облили бензином только нижнюю часть тела. В отместку немцы расстреляли 400 советских военнопленных. В Мелитополе в подвале местного НКВД были обнаружены трупы немецких военнослужащих, которым в половые органы вводили стеклянные трубки, а затем разбивали их молотком.

Бойцы лейб-штандарта СС «Адольф Гитлер», ворвавшиеся в Таганрог 17 октября 1941 года, обнаружили в здании местного НКВД шесть изуродованных трупов немецких военнослужащих. В ответ эсэсовцы расстреляли почти 4 тысячи пленных.

Советские войска, в конце декабря 1941 года высадившиеся на Керченском полуострове, учинили жестокую расправу. Командующий 11-й армией Эрих фон Манштейн свидетельствует: «В Феодосии (которую немецкие войска вскоре отбили. – *Б.С.*) большевики убили наших раненых, находившихся там в госпиталях, часть же из них, лежавших в гипсе, они вытащили на берег моря, облили водой и заморозили на ледяном ветру». В Керчи одному немецкому врачу вытянули язык и прибили гвоздями к столу. Варварские казни пленных санкционировал представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте заместитель наркома обороны и начальник ГлавПУРа Л. 3. Мехлис, утверждавший, что «в городе Керчи до 7 тысяч трупов гражданского населения (до детей включительно), расстреляны все извергами-фашистами. Кровь стынет от злости и жажды мстить. Фашистов пленных я приказываю кончать».

Конечно, мы можем привести на порядок больше столь же достоверных свидетельств о немецких зверствах над советскими пленными. Но здесь важны не цифры, а тенденция. Сталин с самого начала войны относился к немецким пленным так же, как Гитлер – к советским, просто последних было гораздо больше. 16 августа 1941 года советский вождь издал приказ

наркома обороны № 270, по которому расстрелу подлежали все заподозренные в намерении сдаться в плен, а их семьи лишались «государственной помощи и поддержки». Командующий Ленинградским фронтом Г. К. Жуков пошел еще дальше, когда 28 сентября 1941 года шифрограммой № 4976 предписал своим подчиненным: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». При буквальном исполнении он означал казнь даже грудных младенцев!

На приказ № 270 и распоряжения типа жуковской шифрограммы немцы реагировали публикацией пропагандистских статей. 21 июня 1942 года член Военного совета Волховского фронта А. И. Запорожец направил Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову, Л. П. Берии и А. Н. Поскребышеву перевод статьи из немецкой газеты «Ди фронте» от 10 мая 1942 года под красноречивым заголовком «Военнопленные – враги. Как Сталин обращается со своими солдатами». Там достаточно резонно утверждалось: «Советы рассматривают всех военнопленных как изменников. Они отказались от международных договоров, подписанных всеми культурными государствами, – не существует обмена тяжелоранеными, нет почтовой связи между пленными и их родственниками.

Теперь Советы пошли в этом направлении еще дальше: они взяли под подозрение всех избежавших или другими путями вернувшихся из плена своих же военнопленных (так называемых окруженцев, многие из которых были отпущены немцами и скрывали сам факт пребывания в плену. – *Б.С.*).

Властители Советов не без основания боятся, что каждый, кто очутился по ту сторону «социалистического рая», вернувшись в СССР, поймет большевистскую ложь. В каждом таком они видят опасного антисоветского пропагандиста».

Здесь же говорилось о фильтрационных лагерях: «По приказу народного комиссара обороны все вернувшиеся из плена рассматриваются как «бывшие» военнослужащие и у всех без суда и следствия отнимается их воинское звание.

Для этих бывших военнослужащих устраиваются сборные и испытательные лагеря, подчиненные НКО…

При отправке в сборные пункты у бывших военнослужащих отбирается холодное и огнестрельное оружие. Личные вещи, документы и письма остаются у арестованных. Приметы, номера части, как и место и время пропажи без вести заносятся в особые книги. Почтовая связь для бывших военнослужащих запрещена. Все поступающие на их имя письма хранятся в комендатуре в запечатанных конвертах. Бывшие военнослужащие не получают ни жалованья, ни одежды.

Время пребывания в сборных, испытательных лагерях ограничено 5—7 днями. По истечении этого времени здоровые переводятся в особые лагеря НКВД, а больные и раненые – в лазареты… По прибытии в лагерь НКВД бывшие военнослужащие «подлежат бдительному наблюдению». Что понимается под этим особым наблюдением и где оно кончается – на сегодня уже хорошо известно».

Немецкая фронтовая газета подчеркивала:

«В свете этих приказов и инструкций неудивительно, что на одном участке Восточного фронта произошло вот что.

В непосредственной близости к немецким позициям находился большой лагерь советских военнопленных. Небольшое число немецких солдат охраняло около 10 000 пленных. Советские самолеты штурмовали немецкие позиции. В это время немецкая охрана должна была податься назад и покинула военнопленных, так как немецкие войска заняли новые позиции. К исходу дня немецкие офицеры и солдаты, к своему большому удивлению, заметили, что в направлении их позиции движутся колонны невооруженных большевиков. Группа уполномоченных обратилась к немецкому командиру и заявила, что весь лагерь решил последовать

за немецкими войсками и просить по возможности взять их под свою защиту, как военнопленных, и ни в коем случае не допустить того, чтобы лагерь попал снова в руки большевиков.

Командир разрешил пленным пройти через немецкие линии и устроить лагерь в другом районе…

Убегают из плена лишь немногие. Несчастье – очутиться снова во время боев за линией большевистских позиций – тоже постигает немногих.

Из огромной массы военнопленных составятся в будущем отряды непримиримых и заклятых врагов Сталина и большевизма».

Не знаю, произошел ли в действительности случай с добровольным возвращением к немцам целого лагеря пленных. Верится в подобное с трудом. Если, конечно, речь шла не об особом лагере – для перебежчиков, где условия существования были более сносными. Но вот что немцы раз и навсегда зимой 1941/42 года упустили реальный шанс составить из советских военнопленных антибольшевистские полки и дивизии, сомнений не вызывает.

Как в Москве готовились к партизанской войне

Опытный диверсант-подрывник Илья Григорьевич Стариков, руководивший Особой группой минеров, свидетельствовал, что «в СССР в конце 20-х и начале 30-х годов велась огромная работа по подготовке партизанской войны в случае возможного нападения врага. Были обучены или переучены сотни бывших партизан гражданской войны, разработаны новые специальные диверсионные средства – с упором на то, что партизаны смогли бы сами сделать в тылу врага из подручных материалов… Большинство подготовленных нами партизан… были репрессированы. Никто разработкой специальной диверсионной техники не занимался. И постановки вопроса о создании такой техники не стояло.

Если бы теперь уделяли такое внимание партизанам, какое уделялось в конце 20—30-х годов, и сохранились подготовленные кадры, то наши партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны».

Такое невнимание к возможностям партизанской войны объяснялось тем, что Сталин и руководители Наркомата обороны после создания военно-промышленного комплекса всерьез рассчитывали воевать малой кровью на чужой территории, а в осуществлении подобного сценария партизанам просто не находилось места. Для наступления требовались только диверсанты, причем действовать они должны были в Польше, Германии, Чехословакии и Румынии. К тому же диверсионные группы следовало набирать не из белорусов или украинцев, а из поляков, немцев, чехов, словаков или румын. И, как свидетельствовал тогдашний командир находившегося в СССР чехословацкого легиона полковник Людвик Свобода, с ним и представителями чешского правительства в изгнании в Лондоне советский Генштаб в конце апреля – начале мая 1941 года «достиг договоренности о подготовке десанта парашютистов, проведении саботажа и обмене информацией», однако внезапное германское нападение помешало реализации этого замысла.

Уже после войны в письме, опубликованном в первом номере «Военно-исторического журнала» за 1962 год, П. К. Пономаренко сокрушался: «Ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории, привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным».

В результате стихийно возникавшие из окруженцев и местных сторонников советской власти партизанские отряды оказались без запасов продовольствия и вооружения. Им недоставало и кадров, имевших опыт борьбы в тылу врага. Многие специалисты по партизанскому движению, напомню, погибли в ходе репрессий 1937—1938 годов.

Как уже говорилось, в первые месяцы войны значительная часть населения видела в немцах освободителей от большевиков. Оставшиеся во вражеском тылу отряды красноармейцев, которым посчастливилось избежать плена, испытывали острую нужду в боеприпасах и продовольствии и не успели еще установить связь с Москвой. Но уже к зиме 1941/42-го засланные из-за линии фронта специальные небольшие партизанские группы и авторитетные командиры и комиссары сумели сколотить первые отряды, причинявшие немцам немалое беспокойство. Да и разочаровавшиеся в оккупантах местные жители стали помогать партизанам, пополняя их ряды или добровольно снабжая продовольствием и теплой одеждой. Поражение немецких войск под Москвой способствовало развитию партизанского движения. Многим стало казаться, что немцы скоро покатятся назад к границе под мощными ударами советских войск.

Москва сразу же постаралась поставить партизанское движение под свой контроль. Сначала им руководили Военные советы соответствующих фронтов и находившиеся при них пред-

ставители НКВД, а также компартии союзных республик и подпольные обкомы оккупированных областей РСФСР. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. К тому времени выяснилось, что партизанские отряды могут получать оружие, боеприпасы, а порой и продовольствие преимущественно по воздуху. Центральный штаб в этом отношении располагал значительно большими возможностями, чем командование отдельных фронтов, – он мог привлекать транспортную и авиацию дальнего действия. Кроме того, в сентябре 1942 года главнокомандующим партизанским движением был назначен Климент Ефремович Ворошилов, которому подчинялся Центральный штаб партизанского движения. Однако очень скоро выяснилось, что аппарат главнокомандующего и аппарат штаба дублировали друг друга, а Климент Ефремович превратился в еще одну промежуточную инстанцию между Центральным штабом партизанского движения и Ставкой. Поэтому уже в ноябре 1942-го его пост был упразднен.

Впоследствии Центральный штаб претерпевал всевозможные изменения: был расформирован, снова воссоздан и только 13 января 1944 года окончательно упразднен. Руководство партизанами передали республиканским штабам. Пономаренко возглавил самый крупный из них – Белорусский. Освобождение советской территории шло безостановочно, и местным штабам было сподручнее координировать взаимодействие партизан и частей Красной Армии, а также снабжать первых всем необходимым. Это, однако, не предотвратило крупные поражения партизанских отрядов Белоруссии практически накануне изгнания врага из республики.

В Прибалтике и Бессарабии массового просоветского партизанского движения так и не возникло. На Украине же с освобождением Левобережья Днепра оно по сути прекратилось и свелось к рейдам крупных партизанских соединений С. А. Ковпака, М. И. Наумова, А. Н. Сабурова и других в западно-украинские Карпаты. Фактически эти соединения правильнее было бы называть войсками специального назначения типа немецкой дивизии «Бранденбург», в которую был развернут одноименный полк. Они занимались диверсионной и в меньшей мере разведывательной деятельностью, атаковали неприятельские гарнизоны, захватывали склады, разрушали железные дороги и мосты. Однако им приходилось действовать среди по преимуществу враждебного местного населения и вести бои не только с немцами и их пособниками, но и с отрядами *УНА* и польской Армии Крайовой.

Сталин и Пономаренко вплоть до конца войны заблуждались относительно того, что партизанские отряды способны воевать главным образом с помощью оружия и боеприпасов, захваченных у врага. 18 августа 1942 года Пантелеймон Кондратьевич направил специальную директиву фронтовым штабам партизанского движения:

«Во-первых, партизанские отряды должны, и имеют к этому все возможности, обеспечить себя за счет противника. Партизаны, если у них нет в достаточном количестве оружия, боеприпасов и другого снаряжения, должны добыть все это в бою… Нельзя приучать отряды требовать и полагаться на снабжение только из центра и поощрять этим беззаботность в отрядах.

Во-вторых, фронтовые штабы, представляя заявки в Центральный штаб, упускают из виду, что все вооружение, боеприпасы, снаряжение и др. отпускаются для действующих фронтов и армий и… снабжение должно идти через них, а они, в свою очередь, вправе и должны предъявлять соответствующие заявки… для нужд партизанского движения. Доставка в отряды грузов самолетами также может во многом быть разрешена силами фронтов.

Само собой разумеется, что в снабжении специальным вооружением, например рациями, подрывными минами и т д., Центральный штаб партизанского движения будет оказывать помощь».

На практике же за счет местных ресурсов партизаны могли обеспечить себя только продовольствием и фуражом, но никак не вооружением и боеприпасами. Об этом уже после войны,

28 декабря 1965 года, вполне откровенно написал Пономаренко бывший командир партизанского отряда А. Андреев, впоследствии один из руководителей белорусских профсоюзов. Он критиковал утверждение в статье Пономаренко, опубликованной в юбилейном сборнике к 20-летию Победы «Борьба советского народа в тылу врага», будто «немецкие склады, базы снабжения и эшелоны являлись главным снабжением партизанских отрядов и соединений». Андреев на основании собственного опыта вполне резонно возражал: «На самом деле указанный в статье источник являлся не главным, а подсобным в боевом снабжении советских партизанских отрядов и соединений.

Известно, что в первые годы войны основная масса оружия и боеприпасов черпалась партизанами из оставленного частями Советской Армии при отступлении и в большинстве случаев запрятанного населением, а затем – за счет получения из советского тыла…

Исключение, пожалуй, составляли операции партизан по разгрому вражеских гарнизонов, если производились они силами, значительно превосходящими силы противника, однако и они в большинстве случаев не давали должного эффекта в рассматриваемом плане, ибо влекли за собой большие потери в живой силе, большой расход боеприпасов. Этим и объясняется то, что трофейное оружие и боеприпасы сравнительно мало были распространены среди партизанских отрядов, хотя партизаны и стремились заполучить его – ведь, помимо всего, это имело и моральное значение…

Сколько возможностей было упущено партизанами только из-за постоянного острого недостатка оружия, боеприпасов, отсутствия взрывчатки! Недаром в подавляющем большинстве партизанских отрядов шли на такие дела, как разминирование минных полей, разряжание снарядов и выплавление из них тола; в отдельных отрядах и бригадах даже изготавливали самодельное огнестрельное оружие (партизан одного из белорусских отрядов, Георгий Тихонович Дмитриенко, изобрел автомат, годный для сборки кустарным способом и почти не уступавший по своим качествам ППШ. – *Б.С.*)».

В апреле 1943 года Центральный штаб партизанского движения отдал приказ оборудовать в отрядах специальные машинки для набивки трофейными пулями гильз от отечественных патронов. Однако к трофейным гильзам все равно требовались новые капсюли, доставляемые с Большой земли. Кроме того, такие самодельные патроны часто давали осечки. А выплавление тола из снарядов нередко кончалось взрывами и гибелью людей.

Порой партизанские отряды испытывали большие трудности со снабжением не только боеприпасами, но и одеждой и продовольствием. 25 октября 1942 года комиссар действовавшего в Белоруссии 537-го партизанского отряда Коспар докладывал Пономаренко:

«Положение некоторых отрядов партизан… вызывает некоторое беспокойство и напряженное состояние по причине отсутствия боеприпасов (на бойца 30—40 патронов), отсутствия обуви и одежды, отсюда заболевания. Нахождение немецких гарнизонов в деревнях и полицейщины, а при этом условии заготовка продовольствия сопряжена с боями и расходованием патрон. Кроме того, абсолютное отсутствие агитационной литературы, листовок, брошюр, газет, к которым как у партизан, так и у населения большой спрос и жажда к чтению. Между тем германская бреха ловко забрасывает все уголки различной агитационной литературой. Помощи партизанские отряды некоторые никакой не видят, например, 537-й имени Кирова партизанский отряд не получил ни одного автомата, вооружение получает тот, кто присутствует при получении его, а кто далеко, тот не видит. До партизан доходят слухи, что за фронтом сидят ряд работников Белоруссии, которые получают деньги, пьют спирт, держат вооружение, получают подарки для белорусских партизан, чем возмущены партизаны. Прошу, товарищ секретарь, оказать еще большую помощь, чем поднять еще больше боевой дух и способность партизан, а мы еще сильнее будем бить врага».

Подобные сообщения были не единичны. Они послужили одной из причин отставки К. Е. Ворошилова с поста главнокомандующего партизанским движением в ноябре 1942 года. Снабжение партизан по воздуху временно прекратили, чтобы навести в этом деле порядок.

В начале 1943 года в связи с успешным наступлением Красной Армии и усилившимся притоком населения к партизанам Пономаренко просил Сталина улучшить снабжение партизанских отрядов по воздуху, поскольку «недостаток боеприпасов и вооружения заставляет командование партизанских отрядов воздерживаться от приема новых партизан…

Командир группы партизанских отрядов т. Кирпич, действующий в районе Лепеля, 25 декабря 1942 года радиограммой сообщил:

«Партизанские резервы в количестве 1500 человек созданы. Требуется вооружение и боеприпасы…»

Командир партизанского отряда Шляхтунов из района Докшицы, Вилейской области, Западная Белоруссия радиограммой 25.12.1942 г. доносит:

«До 600 человек местного населения просит принять в отряд. Прошу помочь оружием, боеприпасами».

Комиссар партизанского отряда Тимчук в своем сообщении пишет:

«Молодежь, девушки, старики тысячами со слезами на глазах просят, чтобы их приняли в партизаны, но что мы можем сделать, когда лимит приема – это винтовки. Набрать людей и держать в лесах – это значит ребят с винтовками превратить в заготовителей продуктов. Нужно оружие или разрешение переправиться за линию фронта. В одном Ивьеском районе (Западная Белоруссия) половина района имеется на учете, и сегодня можно использовать хоть куда 1253 человека. Отсюда сами судите о народном настроении.

За какое наказание мне пришлось работать в этом районе, как раз тут мало оружия. Всю полицию, бургомистров уже перебили, по несколько смен, отобрали у них оружие, но этого мало. При наступлении

Красной Армии на Запад плюс оружие в тылу, и ни один фриц не уйдет»…

Тов. Ковпак сообщает:

«В районах Полесской, Житомирской, Ровенской областей много населения ушло в леса. Мероприятия властей саботируются. Организована самооборона сел от немцев. Население подвергается жестоким репрессиям. Население живет твердой надеждой в скорый приход Красной Армии, оказывает помощь партизанам. Многие из них желают пойти к партизанам. Нет оружия».

Тов. Сабуров сообщил:

«Отряды за время рейда выросли на 850 человек, из них свыше 50 процентов не имеют оружия. Добровольцы ежедневно прибывают в большом количестве. Прием затруднен за неимением вооружения. Просьба быстрее выбросить вооружение и боеприпасы»…

Рост партизанского движения за счет местного населения имеется и на оккупированной территории Северного Кавказа и Крымской АССР. Начальник Южного штаба партизанского движения т. Селезнев в своей радиограмме сообщает:

«Зверства, грабежи, насилия немцев обостряют и озлобляют население оккупированных территорий. Недовольство оккупантами растет ежедневно. Население ожидает прихода Красной Армии. Характерно, что крымские татары массами переходят в партизаны. На днях на Туапсинском направлении перешло на нашу сторону 8 человек армянского легиона.

По неполным данным, за последние 6 недель партизанские отряды выросли на 14 060 человек. Количество отрядов и групп увеличилось на 138».

Не исключено, что численность как действующих отрядов, так и партизанского резерва командиры и комиссары иной раз сознательно завышали, чтобы выбить из Москвы побольше винтовок и патронов.

Продовольствием партизаны снабжались главным образом за счет пожертвований местного населения – нередко действительно добровольных. Крестьяне, чьи сыновья и мужья ушли в партизаны, охотно помогали всем, чем могли, но только «своим», порой отказываясь отдавать продукты «чужим» отрядам. Сохранился замечательный документ – обращение, которое староста («старшина») белорусской деревни Новоселки Тимофей Зим и 23 крестьянина направили 27 августа 1943 года командованию партизанской бригады «Народный мститель»:

«Просим командование указанной бригады о том, что отряд имени Котовского вырос среди населения деревни Новоселок, а поэтому желаем и впредь помогать отряду имени Котовского, но ни какому-либо другому. Просим наше желание удовлетворить. К сему подписуемся».

Партизанские отряды, как правило, предпочитали нападать на полицейских или бойцов коллаборационистских формирований, прекрасно понимая, что это гораздо более легкая добыча, чем немецкие гарнизоны, и тем паче – части регулярной немецкой армии. В Москве же были заинтересованы, чтобы партизаны в первую очередь боролись против немцев, вынуждая их снимать с фронта дополнительные соединения для проведения карательных операций. В августе 1942 года представитель Центрального штаба партизанского движения в районе Витебск – Полоцк – Орша Сикорский докладывал Пономаренко:

«…наши командиры болеют одной плохой и нездоровой болезнью. Это боязнь, что при нападении на эти (немецкие. – *Б.С.*) гарнизоны партизанские отряды будут нести больше потерь. В частности, это относится к командирам бригад тт. Короткину и Фалалееву.

Характерный случай произошел в бригаде т. Короткина 22 июля при столкновении с немцами был убит один партизан.. целый день, начиная от руководства и кончая партизанами, были разговоры о нем. Если и нападут, то уж после этого будут отдыхать месяц и разговаривать полтора (бригады Дьячкова, разгром станции Бычиха).

Или другой вопрос. Наши товарищи поставили перед собой первую задачу – это борьбу с изменниками Родины, полицейскими, бургомистрами и другой нечистью. Я не хочу сказать, что с этими предателями не надо вести борьбы, это будет неправильно, но это не главная задача.

Главная задача и первоочередная – это борьба с немецкими оккупантами, а у нас получается наоборот. А когда проанализируешь последние указания и распоряжения германских оккупационных властей, то ясно видно, что им это и надо, чтобы партизанские отряды вели борьбу не с их войсками, а с полицейскими отрядами. В то время, когда мы можем и должны будем повести по отношению к полицейским работу, – это ставка на разложение их.

Изучая некоторые полицейские отряды… чувствуешь, что у них сейчас состояние неуверенности в победе германского оружия, но, боясь того, что партизаны их расстреляют, боятся переходить на их сторону.

Имеют место несколько фактов, когда из отдельных полицейских отрядов добровольно несколько полицейских перешло на сторону партизан, то с других отрядов подсылают детей, старух узнать, что партизаны с ними сделали.

23 июля был случай в бригаде т. Фалалеева, когда начальник полицейского Езерищенского отряда Ананьев вместе с бургомистром волости Новиковым и еще тремя полицейскими на полуторке с двумя ручными пулеметами, автоматом и винтовками приехали в отряд и сдались».

Сикорский приказал командирам бригад и отрядов «взяться активней за борьбу с оккупантами и перестать отсиживаться в лесах». При этом он признавал, что без поставок боеприпасов из центра всерьез активизировать операции вряд ли удастся.

Партизаны против крестьян. Крестьяне против партизан

Приток пополнения в отряды порой ограничивался не только нехваткой оружия, но и действиями самих партизан, иной раз не слишком хорошо обращавшихся с местными жителями.

Случаи мародерства со стороны партизан зафиксированы во многих документах. Так, командир действовавшей в Могилевской области Белоруссии 13-й партизанской бригады майор Мазур в итоговом донесении рассказал о неприглядных событиях, которые произошли весной 1942 года:

«В то время на территории Кличевского района не было ни одного гарнизона противника, и партизаны чувствовали себя очень развязно, начали бездействовать, заниматься самогонокурением, пьянством и мародерством… А самое главное то, что отдельные командиры партизанских отрядов не занимались боевыми делами, а отсиживались».

За все это они и поплатились:

«Так, например, командир партизанского отряда Юрковец был снят с должности… и переведен в рядовые… Особым отделом были вскрыты две группы в партизанском отряде, где командиром был Рудой, комиссаром Изох, которые имели цель уничтожить руководство отряда и перейти в другие отряды. Это было вызвано тем, что командование занималось пьянкой, самоснабжением и не проводило боевых операций. Тех партизан, которые выступали на собраниях с критикой командования, сажали под арест. Об этом случае было доложено Кличевскому подпольному райкому. 3 мая 1942 года состоялось заседание райкома, на котором командир отряда Рудой был снят, как не справившийся с работой. На должность командира отряда был назначен я (до этого – начальник РО НКВД и Особого отдела)».

Характерно, что комиссар проштрафившегося отряда Игнат Зиновьевич Изох никаким дисциплинарным взысканиям не подвергся и в дальнейшем возглавил 277-ю бригаду, действовавшую в том же Кличевском районе. 28 июня 1944 года, имея в своих рядах 1399 человек, 277-я бригада благополучно соединилась с частями Красной Армии. Согласно итоговому донесению Изоха, в рядах бригады сражалось 595 бывших полицейских, которые после перехода к партизанам «активно боролись с немецко-фашистскими захватчиками»..

Люди в партизанских отрядах попадались самые разные, в том числе с весьма темным прошлым или успевшие запятнать себя преступлениями на службе у немцев. Склоки между командирами, бессудные расстрелы, дутые дела о шпионаже были обычным явлением.

1 октября 1942 года комиссар партизанской бригады Е. А. Козлов написал П. К. Пономаренко донос на своего комбрига полковника Аркадия Яковлевича Марченко:

«Астрейко (командир одного из отрядов в бригаде. – *Б.С.*), помощник начальника полиции в Трудах (зимой), по достоверным источникам, расстреливал евреев (подтверждено т. Лапенко, комиссар бригады, капитан Мещеряков – командир отряда нашей бригады, которые зимой жили исключительно подпольно и до конца остались преданными своей Родине), однако пользуется огромным авторитетом у Марченко. Это видно из того, что Марченко дважды назначал Астрейко командиром партизанских бригад, Станкевича и своей, когда сам Марченко ушел на пост командующего Полоцкой зоной. Благодаря вмешательству в это дело обкома (Витебского) и штаба Астрейко к командованию бригадой был недопущен… Слово «расстрел» глубоко укоренилось в сознании большинства бойцов бригады. Внедрено оно со стороны Марченко и Астрейко».

Всего через несколько дней, 6 октября, Козлов вместе с Лапенко и несколькими другими партизанскими руководителями погиб в авиационной катастрофе. Марченко, находившийся в

том же самолете, чудом уцелел, отделавшись переломами ног. Опасные свидетели, способные уличить его и Астрейко в бессудных расстрелах и службе немцам, погибли, и доносу, который перед отлетом Козлов успел вручить Пономаренко, так и не был дан ход. Астрейко и Марченко благополучно довоевали до конца войны.

Много лет спустя, 24 мая 1974 года, Марченко писал Пономаренко, поздравляя с 30-летием изгнания немцев из Белоруссии и напоминая о своих партизанских заслугах:

«Мы вместе и при Вашей помощи из Полотчины спасли в 1942—43 годах сотни тысяч наших людей, детей, стариков, первые партии по Вашему заданию выводил и доказал, что это можно делать, и мы делали. В апреле 43-го года по Вашему заданию о предоставлении данных о формировании немецкой армии на подъездных путях Полоцка лично ходил в разведку, попал на засаду немцев в 300 человек, убил 15 человек немцев и ушел и передал эти данные…»

Марченко писал и о том, что случилось после катастрофы с самолетом:

«Из всех я случайно остался жив, лежал в Центральном госпитале Наркомата обороны. С Полоцка от своих поступило в госпиталь и получил 2 тысячи писем. Народ просил, какой я есть вернулся и спас их жизнь. Вы сами были свидетелем, как я бежал из госпиталя на 2-х костылях, через Калининский фронт доставил 100 тысяч боеприпасов в свой бригады, и, когда немец сунулся, мы дали бой…»

Марченко в письме упоминает, что в ходе войны четыре раза горел в танке, а однажды был «смертельно контужен», но врачи его спасли. Возможно, контузия способствовала развитию у него мании величия. Во всяком случае, вызывает серьезные сомнения утверждение, будто на рубеже 1942/43 года Марченко удалось спасти от отправки в Германию сотни тысяч мирных жителей (в 1941 году в Витебской области, куда входил Полоцк, проживало 1305 тысяч человек, так что немцам было очень трудно угнать сотни тысяч жителей из одного только Полоцкого района. Сомнительно также, что бравый партизанский командир благополучно избежал засады да еще убил 15 неприятельских солдат.

Иногда партизан за мародерство и насилия над местными жителями командование расстреливало, как, например, партизана Казакулова, который «занимался изъятием для личных целей вещей у крестьян деревни Кринка». Но случаи такого рода репрессий были единичными: партизанские отряды не слишком увлекались расстрелами, иначе могли остаться вовсе без бойцов. Приходилось полагаться в основном на воспитательную работу. К тому же больше шансов попасть под расстрел партизан имел из-за конфликта с начальством или по подозрению в работе на немцев.

Реквизиции и репрессии со стороны партизан нередко вызывали вооруженное противодействие местного населения, которое порой не прикрывалось какими-либо политическими лозунгами и напоминало антисоветские крестьянские восстания конца Гражданской войны. В отчете о развитии партизанского движения, составленном в июне 1943 года, Пономаренко вынужден был признать «ошибки» по отношению к жителям сел и деревень:

«Мародерство или чрезмерное изъятие продовольственных ресурсов. Незаконные действия отрядов Коляды привели к тому, что организовалась противопартизанская банда крестьян под командованием Болтунова. Это единственный случай».

Упомянутый Митрофан Владимирович Болтунов, как и его брат и соратник Василий, был уроженцем и жителем деревни Сыр-Липки Касплянского района Смоленской области. В годы войны ему было уже за сорок. Митрофан Болтунов долгое время работал агрономом и являлся членом ВКП(б). «Армия Болтунова» была вооружена советскими и немецкими винтовками, а вся их форма сводилась к белой нарукавной повязке с надписью «Полицай». По утверждению действовавших в этом районе партизан, некоторых селян братья Болтуновы вовлекали в свои отряды насильно, под угрозой репрессий и конфискации имущества.

Пономаренко перечислил и другие «ошибки»:

«Неосновательные расстрелы и репрессии по отношению к населению. Проведение мобилизаций в партизанские отряды. Непорядочное отношение к женскому населению при расположении некоторых отрядов в деревнях. Недостаточная активность некоторых партизанских отрядов, продолжительное отсиживание, стремление избежать встречи с противником. Частое и неосновательное применение высшей меры наказания по отношению к провинившимся партизанам. Ограничение приема в партизанские отряды в связи с неимением у вступающего оружия…»

Никифор Захарович Коляда по кличке Батя, возглавлявший партизанские соединения на Смоленщине, стал одним из немногих командиров, подвергшихся репрессиям со стороны своих братьев-чекистов. Подполковник, партизанивший еще в Гражданскую войну, стал козлом отпущения за неудачное наступление Красной Армии на Западном направлении.

В сентябре 1942 года отряды Бати под натиском противника вышли на соединение с Красной Армией, несмотря на данный Центральным штабом партизанского движения категорический запрет партизанам выходить в советский тыл без специального разрешения Москвы. В октябре 1942 года Коляда был арестован, обвинен в невыполнении боевого приказа и отправлен на пять лет в ГУЛАГ, а в январе 1943-го в ведомстве Пономаренко составили на него прямо-таки убийственную характеристику:

«За время нахождения в партизанских отрядах (июнь – сентябрь 1942 года) бывший командир отрядов Коляда проявил себя исключительно с отрицательной стороны… Поставленные перед Колядой задачи не допускать переброски живой силы, техники, боеприпасов по большаку Смоленск – Духовщина – Белый по существу не выполнялись, если не брать отдельные малозначительные операции. Противник этот большак использовал почти беспрепятственно, чем укрепил свой участок фронта в районе Белый, Ржев, Сычевка».

Строго говоря, любую партизанскую бригаду или отряд без труда можно было обвинить в том, что они не сумели надежно блокировать тот или иной большак или железнодорожную магистраль. Ведь не случалось же такого, чтобы партизаны полностью парализовали переброску войск и грузов на том или ином участке железной или шоссейной дороги, а тем более в прифронтовой полосе, где всегда имелись немецкие регулярные войска.

Так в чем же крылась истинная причина падения Бати? Да в том, что Коляда, сам член партии с 1920 года, наплевательски относился к ее руководящим указаниям по организации партизанского движения и был действительно популярен среди смоленского населения. В мае 1942 года на приеме у члена Политбюро Андрея Андреевича Андреева Батя, согласно записи присутствовавшего при этом Пономаренко, произнес совсем уж крамольные слова: «Листовки, разбрасываемые обкомом, не имеют значения. Партийные органы себя дискредитировали. Отступление, эвакуация и т.д. подорвали веру народа в партийный орган. Сейчас надо разбрасывать листовки от имени лиц, завоевавших у народа уважение своей борьбой. Мои листовки, за моей подписью, в Смоленской области могли бы сыграть большую роль. Меня всюду знают». После такого высказывания судьба Никифора Захаровича была решена.

Но вот беда, об успехах Коляды уже успели раструбить в газетах – в связи с награждением партизанского командира орденом Ленина. После его ареста и осуждения пришлось вновь собирать журналистов и разъяснять, в чем провинился вчерашний герой. На этой встрече, состоявшейся в конце 1942 года, комиссар одного из соединений смоленских партизан Федор Никитич Муромцев заявил, в частности, следующее:

«Большая роль в этом (организации партизанского движения на Смоленщине. – *Б.С.*) принадлежит Бате. По опыту знаю, как это трудно было и опасно. Особенно, если этот человек прибыл в незнакомые места. А Батя ведь пришел сюда добровольцем, пришел из Москвы в самое пекло, когда все живое стремилось на Восток, чтобы уйти от гибели, чтобы не видеть врага. Батя провел большую организаторскую работу, он объединил разобщенные, разрозненные отряды, он воспитывал и закалял их в бою. Под его руководством были созданы батальоны,

бригады. Он поднял своим авторитетом на борьбу население. Значит, Батя не был трусом. В то же время, мне кажется, он переоценил свои силы. Переоценил свою роль в создании партизанского движения в этих районах. В первые дни своего приезда в отряды я откровенно сказал Бате, что недостаточная политическая работа среди населения – это результат его слабой связи с местными партийными органами, в частности со Смоленским обкомом партии… Батя заявил мне: «Родоначальником партизанского движения в Смоленской области являюсь я. Когда я прибыл сюда, никаких обкомов здесь не было»… А ведь организатором партизанского движения был не Батя, а местные партийные органы, райком партии. До прихода Бати здесь уже действовали многочисленные отряды и диверсионные группы, созданные по заданию обкома местными партийными органами. Партийные органы создали известность, славу Бате. То, что его наградили орденом Ленина, то, что его принял секретарь ЦК партии Андреев, то, что к нему приехали корреспонденты центральной прессы, – это все заслуга местных партийных органов».

Одним словом, старая советская песня: все успехи – результат работы партии, а все неудачи – вина конкретного лица. Зазнался, мол, Батя, стал игнорировать партийные органы, вот и был смещен.

В заключение этой истории замечу, что в 1954 году, вскоре после смерти Сталина, Никифор Захарович Коляда был полностью реабилитирован. Выходит, ничем он не был хуже большинства партизанских командиров, а пострадал в сущности лишь за нелестные слова в адрес партийных органов.

Коляда, несомненно, пользовался популярностью среди партизан, поскольку еще 26 июня 1942 года один из политработников его соединения предлагал: «Батю можно оставить в роли английского короля, а все остальное руководство основательно освежить».

Одно из обвинений, предъявленных Коляде, – это мародерство, которым занимались его партизаны. Но порой трудно было установить, какие именно партизанские отряды занимались мародерством. Представитель Центрального штаба партизанского движения на Западном фронте Д. Попов 18 декабря 1942 года сообщал в Москву:

«В Дятьковском районе (ныне Брянской области. – *Б.С.*), где действует партизанская бригада Орлова и другие отряды, отдельные факты мародерства по отношению к местному населению имели место. Даже имели место такие факты, когда неизвестно кто расстреливал партизан с целью отобрать у них оружие и одежду. Утверждение тов. Дымникова (члена бюро Дятьковского райкома. – *Б.С.*), что мародерство совершалось именно партизанами бригады Орлова, не подтверждается людьми, опрошенными мной по этому вопросу… Из бесед опрошенных мною товарищей установлено, что мародерством занимаются скрывающиеся в лесах провокаторы и полицейские (чего это вдруг полицейским скрываться в лесах? – *Б.С.*), преследуя цель поссорить партизан с местным населением… Случаев мародерства с октября (после ареста Бати. – *Б.С.*) стало значительно меньше. Обвинение отрядов в мародерстве – это попытка мародерствующих элементов из отрядов Бати, еще не выкорчеванных до конца, оклеветать и дискредитировать руководителей духовищинского, батуринского отрядов».

На опального Коляду теперь удобно было списывать все партизанские грехи.

Многие командиры партизанских отрядов «удостаивались» нелицеприятных характеристик, но сегодня мы не можем сказать, что в них правда, а что – плод неблагополучных взаимоотношений. Так, в марте 1943 года начальник политотдела 1-й Курской партизанской бригады полковой комиссар Георгий Матвеевич Померанцев в докладе Пономаренко не слишком лестно отзывался о некоторых своих сослуживцах:

«Командир бригады тов. Панченко, бывший секретарь Михайловского райкома партии… не показал себя боевым командиром, за 7—8 месяцев своего командования он лично не провел ни одной боевой операции. Он не развивал, а иногда даже сдерживал боевую инициативу… Сам трусил, а потому не мог активизировать и мобилизовать партизанскую массу на боевое

дело. Тов. Панченко как командир бригады не пользовался должным авторитетом даже у партизан своего Михайловского отряда, который по своей боевой деятельности считался одним из плохих, отрядами не руководил, не помогал и очень редко бывал в отрядах, за исключением Михайловского отряда. Не мог организовать военную учебу, поднять требовательность, укрепить дисциплину. Совершенно ненормальные взаимоотношения у него были со своим комиссаром, начальником особого отдела и другими. Товарищ Панченко политически недостаточно грамотный, самовлюбленный, страдает зазнайством, любит подхалимов (кто ж из начальников их не любит! – *Б.С.*). Считает себя лучше и умнее всех. Как коммунист и командир в морально-бытовом отношении ведет себя недопустимо, имел 4 жен, из них 2 отправил на Большую землю, любил выпить. Очень плохо помогал товарищам, ведущим борьбу со всеми отрицательными явлениями в отрядах. Все это дает право сделать вывод, что назначение его командиром бригады было ошибкой».

Померанцев словно противопоставлял последнему комиссара бригады Федосюткина, бывшего секретаря Дмитровского райкома партии, чей отряд «считается в бригаде одним из лучших по боевым делам». Но и у комиссара бдительный начальник политотдела при ближайшем рассмотрении обнаружил целый ряд недостатков, хотя и признал за ним известные достоинства: «Тов. Федосюткин – боевой, волевой, инициативный комиссар. За время своего пребывания в должности комиссара он лично организовал и провел ряд боевых операций. Имеет недостаток – много поговорить, покричать, похвастаться и потом не сделать. Пользовался большим авторитетом среди командиров, политработников и партизан. Вел решительную борьбу с пьянством, мародерством, недисциплинированностью, распущенностью и другими отрицательными явлениями. Организовал и лично проводил партийную и политическую работу, как комиссар т. Федосюткин не проявил решительности, мирился со всеми недостатками, которые были в результате плохого руководства т. Панченко, и не добился через Центральный штаб партизанского движения его отстранения от руководства бригадой».

Не нравился Померанцеву и командир Троснянского партизанского отряда Кавардаев, бывший председатель районного ОСОАВИАХИМа:

«Молодой, но не боевой командир. За все время существования отряда лично не провел ни одной боевой операции. Авторитетом среди командиров не пользовался. Все время имел ненормальные отношения со своим комиссаром. В морально-бытовом отношении неустойчив, имел двух жен, пьянствовал».

Партизанские командиры удивительным образом сочетали соблюдение традиций шариата в плане многоженства с упорным нежеланием следовать запрету ислама на винопитие.

27 января 1943 года Пономаренко бодро докладывал:

«После снятия урожая совершенно на добровольных началах сданы партизанам все излишки хлеба и мясопоставки по нормам налога довоенного времени». После войны ему же пришлось признать, что снабжение партизан порой было отнюдь не добровольным и не вызывало восторга у местного населения: «В 1941—42 годах в деревнях, расположенных вблизи райцентров, были случаи, когда сами жители помогали полиции в борьбе с партизанами.

Так, в деревне Клины Климовичского района (Могилёвской области Белоруссии. – *Б.С.*) в ноябре 1942 года мужское население вооружилось и устроило засаду на группу партизан тов. Солдатенко, в результате: 4 партизана было убито, 3 ранено.

В деревне Кокойск Климовичского района население до 1943 года было враждебно настроено к партизанам и оказывало содействие полиции.

Объясняется это тем, что из близлежащих к райцентрам деревень в 1941—42 годах обманом немцы завербовали в полицию значительное число мужчин, которые через родственные связи имели в этих деревнях сочувствие и поддержку.

Большое значение имело мародерство отдельных партизанских групп и уничтожение всех полицейских и старост».

Конечно, не только мародерство, но и «добровольные поставки» заставляли белорусских или смоленских мужиков браться за оружие и давать отпор партизанам. Причем столь решительно действовали крестьяне только в деревнях, находившихся вблизи райцентров, ведь оттуда на помощь могли прийти сильные полицейские гарнизоны. В ином положении оказались жители отдаленных деревень, куда немцам и их союзникам было затруднительно добраться. Здесь, если местные партизанские отряды были достаточно многочисленными, жителям приходилось «добровольно» отдавать необходимые продукты и одежду. Замечание же насчет того, что жители деревень, лежащих близ Климовичей, вплоть до 1943 года испытывали враждебность по отношению к партизанам, вовсе не следует понимать в том смысле, что после они вдруг начали им помогать. Просто осенью 1943-го Красная Армия вытеснила немцев из Климовичского района. Сказать «освободила» в данном случае язык не поворачивается, потому что НКВД наверняка припомнил местным жителям враждебность к партизанам, так что белорусским крестьянам небо с овчинку показалось.

«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин»

Партизаны в своих действиях опирались на приказы Верховного Главнокомандующего и наркома обороны И. В. Сталина и директивы Центрального штаба партизанского движения. 1 сентября 1942 года у Сталина состоялся прием руководителей партизанского движения, после которого появился один из основополагающих приказов наркома обороны «О задачах партизанского движения». Там говорилось: «Партизанское движение должно стать всенародным. Это значит, что существующие сейчас партизанские отряды должны не замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно наряду с организацией новых партизанских отрядов создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать дополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно неограниченными и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанского движения: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей».

Этот же приказ предписывал «по возможности хлеб раздавать населению, а если этого сделать нельзя, уничтожать полностью».

Сталин был недоволен тем, что «действиями партизан еще не охвачены города». Поэтому он требовал: «Партизанским отрядам, отдельным организациям и диверсантам обязательно проникнуть во все города, большие и малые, и широко развернуть там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, котловые установки, водоснабжение, склады, емкости с горючим и другие объекты, имеющие военно-экономическое значение.

Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, что они делают, где живут, где и в какие часы работают, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения, кто и как их охраняет».

Сталин предписывал:

«Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии… Особо отбирать людей, способных вести скрытую разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей…

Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов, наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровожадных оккупантов.

Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и другого печатного материала на оккупированных территориях».

Замечу, что такое обилие задач приводило к распылению усилий. Если бы партизаны, снабженные достаточным количеством взрывчатки, сосредоточились на подрыве и разрушении коммуникаций противника, не отвлекаясь на истребление полицейских гарнизонов и не гонясь за численным ростом отрядов, это, возможно, принесло бы больше пользы Красной Армии.

Но Сталин требовал, и партизанские руководители вынуждены были подчиняться. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко на словах отвергал принудительную мобилизацию в партизанские отряды, но на деле санкционировал ее, требуя всемерного расширения партизанского движения. В феврале 1943 года он писал своему уполномоченному по Пинской области Алексею Ефимовичу Клещеву:

«У Вас имеются неисчислимые резервы для движения, и мы считаем, что количество партизан и отрядов, которое Вы называете в своем отчете, – очень скромные цифры. Они могут быть намного увеличены… Необходимо строго просмотреть практику отношения к населению отдельных отрядов и командиров.

Неправильное отношение, мародерство и прочие обиды должны считаться тягчайшим преступлением, и надо иметь в виду, что немцы считают очень действенным средством засылку в партизанские отряды своих агентов, которые под видом партизан чинят издевательство над населением и тем самым отталкивают население от партизан».

Справедливости ради надо повторить, что не только «засланные казачки», но и настоящие партизаны грабили, насиловали, убивали мирных жителей.

Если же речь шла о семьях старост, полицейских или даже о тех, кого только подозревали в сотрудничестве с оккупантами, то несчастных порой ждала мучительная смерть. Здесь люди Пономаренко не уступали в жестокости карательным отрядам немцев и их союзников.

Строго говоря, от избыточной численности партизан, не обеспеченных боеприпасами, никакого вреда немцам не было. Наоборот, безоружные в сущности люди при проведении широкомасштабных антипартизанских операций становились легкой добычей карателей.

Но рост рядов радовал начальственный глаз. И Пономаренко вдохновенно докладывал Сталину: «По состоянию на 1 июня 1943 года на связи у штабов партизанского движения имеется партизанских отрядов 1061 с количеством партизан 142006. Из общего количества отрядов с 858 отрядами имеется радиосвязь через 268 работающих в тылу партизанских раций.

Учтенные резервы партизанского движения, готовые в любую минуту взяться за оружие, составляют 215 400 человек. Фактически резервы более многочисленны. Сеть подпольных партизанских организаций составляет: подпольных областных комитетов партии – 14, подпольных райкомов партии – 106, первичных подпольных партийных организаций по Белоруссии – 472 с количеством коммунистов – 4395 человек. По остальным республикам и областям сведений о первичных подпольных организациях нет.

В тылу противника издается типографским способом республиканских и областных газет – 14, районных газет – 69.

В результате работы, проводимой подпольными партийными организациями, отрядами и бригадами, партизанское движение продолжает расширяться. Идет большой прилив местного населения в партизанские отряды, особенно в связи со стремлением населения избежать объявленной немцами мобилизации».

Правда, из доклада следовало, что далеко не все у партизан обстоит благополучно: «Обстановка в тылу становится все более напряженной.

Противник в апреле – мае с. г. предпринял крупные карательные экспедиции против действующих партизанских отрядов с целью их окружения и уничтожения.

Против смоленских партизан только в районе Клетнянских лесов и полка Гришина действует до 30 000 вражеских войск.

Против партизанских отрядов Калининской области противник ведет наступление силою до 50 000 человек.

В мае месяце немцы начали наступление против партизанских отрядов, действующих в южной части Брянских лесов. В бой введены войска численностью около 50 000 человек.

В Белоруссии в мае месяце немцы начали концентрическое наступление на партизанские отряды в районе Бегомль Минской области. В бой введены войска численностью свыше 30 000 человек с тяжелой артиллерией и авиацией…

Партизанские отряды и бригады ведут непрерывные и упорные бои, изматывают врага, наносят ему серьезные удары. Однако, вследствие трудностей добычи боеприпасов, сами часто попадают в тяжелое положение и нуждаются в помощи и поддержке боеприпасами».

Немцы иной раз оценивали число советских партизан даже выше, чем в штабе Пономаренко. В легенде к карте, показывавшей деятельность советских партизанских отрядов на территории РСФСР, Белоруссии и Восточной Украины, общее число партизан оценивалось в 169—172 тысячи человек, причем самыми крупными партизанскими соединениями считались «армия Сабурова» – 9-12 тысяч человек, дивизия Ковпака – 5 тысяч и возглавлявшаяся Марковым бригада имени Ворошилова в Белоруссии – 7 тысяч человек. Регулярно снабжать по воздуху столько людей не было никакой возможности. Для этого не хватало ни транспортных самолетов, ни посадочных площадок в лесах.

Правда, порой донесения вермахта и СД о численности партизан вызывали большое сомнение в высших инстанциях. Герман _ Геринг, отвечавший за хозяйственное использование захваченных восточных территорий, заявил в августе 1942 года на совещании с чинами оккупационной администрации: «Если выступят 10 партизан с обычными винтовками, то тыловые армейские подразделения сообщают, что выступили целые дивизии. Посмотрите на карту: в каком-нибудь заболоченном лесу находится еще 175-я ударная (советская. – *Б.С.*) дивизия. А там наверняка всего лишь дюжина партизан. Где они еще имеют много оружия, так это под Вязьмой и Брянском, где проходили крупные бои».

В том же донесении от 1 июня 1943 года Пономаренко докладывал Сталину, что в Полесье партизанские соединения Федорова, Сабурова, Кожухаря, Мельникова и др. «ввиду хорошего оснащения вооружением и боеприпасами проводят набор-мобилизацию (в отряды) населения любого возраста по районам, находящимся под их влиянием…».

Подчинявшиеся Украинскому штабу партизанского движения крупные (несколько тысяч человек) соединения Сабурова, Федорова и др. имели большое количество оружия и боеприпасов и, отправляясь в очередной рейд, перемещались на сотни и даже тысячи километров. Они могли позволить себе роскошь мобилизации. Ведь в чужом краю, в той же Западной Украине, принудительно призванные в партизаны крестьянские парни (а иной раз, как утверждают немецкие донесения, и девушки), находясь во враждебном окружении населения, сочувствовавшего УПА, редко решались на дезертирство.

Иная ситуация складывалась в белорусских партизанских отрядах, подчинявшихся Пономаренко. Они обычно действовали в пределах одного-двух смежных районов каждый и к тому же испытывали острую нехватку боеприпасов, а порой и винтовок. Мобилизованные находились здесь вблизи от родных мест и при первом удобном случае всегда могли вернуться в свои деревни. Поэтому Пономаренко не был столь активным поборником мобилизации в партизанские отряды, как руководители украинских партизан.

Стремление к массовости партизанских отрядов не исключало того, что кандидаты в «народные мстители» нередко проходили тщательную и иной раз жестокую проверку. К партизанам присоединялись вырвавшиеся из лагерей военнопленные. Порой перед тем, как принять в отряд, их подвергали суровым испытаниям. Бежавший из плена с группой товарищей крас-

ноармеец Безруков в письме родителям рассказывал, как их задержали люди, представившиеся полицейскими: «Они, обсудив, выводят нас на расстрел. Приготовляясь к смерти, я попросил разрешения закурить. Закурив, я сказал, что никогда не ожидал, что русский народ будет расстреливать своего брата русского, и крикнул напоследок, что пусть мы погибнем трое за родину, но за нас отомстят. Один из арестовавших нас спросил: «За какую родину, за гитлеровскую или за какую?» Я говорю: «За русскую родину». Когда нас вывели на улицу выполнять решение, т. е. нас расстреливать, оставшийся за командира группы сказал, что – мы партизаны. О, как мы были рады до слез, попали в ту семью, которую мы искали!»

В какой-то мере массовость партизанских отрядов с 1943 года стала, по сути, неизбежным злом: все более острым становился вопрос снабжения, а крупные отряды утрачивали подвижность и превращались в легкую добычу для карателей.

На самом деле особенно эффективными были операции не многочисленных, но плохо обученных и оснащенных отрядов, а действия небольших, специально подготовленных и владевших самыми современными средствами борьбы диверсионно-террористических групп, которые подрывали важные военные объекты и уничтожали высокопоставленных чиновников оккупационной администрации. Так, группа подрывников во главе со специалистом минного дела И. Г. Стариковым осуществила в ноябре 1941-го радиоуправляемый взрыв ряда зданий Харькова, где размещались немецкие учреждения. В результате погиб начальник гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун и десятки немецких офицеров. В составе спецгруппы действовал и легендарный Николай Кузнецов, застреливший вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и главу судебного ведомства в рейхскомиссариате «Украина» Альфреда Функа.

Наиболее же громкий теракт – убийство генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе 22 сентября 1943 года было организовано группой, подчинявшейся непосредственно Центральному штабу партизанского движения и таившей суть своего задания и от минского подполья, и от руководителей партизанских отрядов Белоруссии. Возглавлял группу капитан госбезопасности С. И. Казанцев, за успешное покушение на Кубе произведенный в майоры госбезопасности (освобождение Минска он встретил командиром партизанского соединения из трех бригад). Завербованные им агенты сумели убедить горничную генерального комиссара подложить в кровать своего хозяина мину с часовым механизмом. Ранее пытались уничтожить Кубе с помощью мины, заложенной в Минском драмтеатре, где 22 июня 1943 года должно было состояться торжественное собрание в честь годовщины начала войны против СССР. Но Кубе покинул театр раньше, чем мина взорвалась. В результате погибли десятки мирных горожан, не имевших никакого отношения к оккупационной администрации. Казанцев считал, что взрыв все равно принес пользу – теперь жители Минска будут остерегаться ходить на мероприятия, организуемые германскими властями.

У группы Казанцева был еще один объект для охоты – Кабан. Под этим псевдонимом скрывался в документах НКВД и партизан глава Русской освободительной армии (РОА) генерал Андрей Андреевич Власов. Покушение готовилось на тот случай, если Власов приедет в Минск. Кроме того, люди Казанцева старались завербовать находившихся в городе офицеров РОА, чтобы потом с их помощью осуществить теракт против генерала в Берлине. В отчете Пономаренко, составленном в Минске 2 августа 1944 года, Казанцев сообщал, что они завербовали

«подполковника Соболенко Д. А., псевдоним «Ветлугин», командира группы пропагандистов РОА в Минске… Подполковник Соболенко Дмитрий Аврамович (см. его дело) нами завербован в основном для того, чтобы завершить дело по «Кабану». Обработка Соболенко, псевдоним «Ветлугин», стоила большого труда.

Через него мы хотели наладить работу на Берлин и переслать туда письма к генералам из «Русского Комитета» (с предложением уничтожить Власова и тем искупить свою вину перед родиной. – *Б.С.*), инструкцию нашей агентуре и яд для «Кабана». Все это было передано свое-

временно с подробными указаниями, но 7.4.44 г. его арестовало минское СД (гестапо), как выяснилось теперь через его жену, по связям группы Градова, с которым он также работал, скрывая это от нас. Имеются предположения, что наши письма и яд он сумел переслать в Берлин до своего ареста. Об этом нам сообщила его жена, проживающая в данное время в Минске на Московской улице, д. 4, кв. 2… Возможно по имеющемуся у меня письму связаться с начальником канцелярии «Кабана» – Калугиным Михаилом Алексеевичем и рядом других русских офицеров, находящихся на территории Германии, обработанных нами или намеченных к обработке…»

Дмитрий Аврамович Соболенко (судя по отсылке Казанцева к его личному делу, Соболенко – настоящая фамилия подполковника-власовца) был личностью примечательной, и менять фамилии ему приходилось неоднократно. Скорее всего, Дмитрий Аврамович вел с майором Казанцевым двойную игру. Дело в том, что всего через семь месяцев после своего исчезновения из Минска он возглавил под именем Н. В. Тензорова управление безопасности образованного Власовым с санкции немцев Комитета освобождения народов России (КОНР). Ясно, что СД никогда бы не допустило назначения на такой пост человека, заподозренного в связях с советским подпольем в Минске. Очевидно, легенда об аресте понадобилась для того, чтобы объяснить внезапное исчезновение Соболенко-Ветлугина-Тензорова из белорусской столицы.

То, что он так и не стал советским агентом, доказывает поведение Дмитрия Абрамовича в последние дни существования КОНР и власовской армии. Вместо того чтобы помочь советским представителям обнаружить и захватить Власова, как по логике должен был поступить человек, завербованный НКГБ, Соболенко-Тензоров предпочел скрыться с помощью американского капитана Донахью уже после того, как Власов оказался в распоряжении сотрудников СМЕРШа. А перед этим настойчиво уговаривал генерала переодеться в штатское платье и бежать в Южную Германию. В итоге Соболенко стал одним из немногих высокопоставленных сотрудников КОНР и РОА, благополучно избежавшим выдачи Советам и мирно окончившим свои дни в эмиграции. А с группой Казанцева, как и ранее с группой подпольщика Градова, он вступил в контакт лишь затем, чтобы выведать, какими агентами располагают чекисты во власовском окружении. Скорее всего, те лица, письма к которым передал Казанцев через Соболенко, были арестованы гестапо и контрразведкой РОА.

После убийства Кубе группа Казанцева готовила покушение на его преемника – группенфюрера СС Карла Готтберга, прославившегося жестокими карательными экспедициями против партизан и мирного населения. Но здесь партизан ждала неудача. Был разработан детальный план покушения. Завербованному людьми Казанцева электромонтеру театра Игорю Рыдзевскому следовало провести снайпера, снабженного бесшумной винтовкой с оптическим прицелом, в свою мастерскую, окна которой выходили на фасад здания генерального комиссариата. Один из работавших там агентов, по кличке Иванов, должен был подать сигнал в тот момент, когда Готтберг будет приближаться к зданию, и тогда снайперу М. И. Макаревичу предстояло поразить группенфюрера с 200 метров отравленными пулями, а затем вместе с Рыдзевским скрыться на конспиративную квартиру.

Уже назначили дату акции – 15 октября 1943 года. Однако в этот день Готтберг отсутствовал в городе, а несколько дней спустя Иванов был арестован, и связь с Рыдзевским прервалась. Макаревич так и остался в одном из партизанских отрядов под Минском. Запасные же варианты покушения на Готтберга претворить в жизнь не удалось – с марта 1944-го партизанская зона под Минском оказалась в плотной блокаде и Казанцев со своей группой больше не сумел проникнуть в город. Поэтому Готтбергу была предоставлена возможность самостоятельно покончить с собой в мае 1945-го, сразу после поражения Германии. Но прежде люди Казанцева попытались завербовать нескольких сотрудников генерального комиссариата. Справка об одном из них, приведенная в отчете Казанцева, читается как короткий анекдот:

«Обрабатывался Кандыбович, бывший управделами Совнаркома БССР. Обработка его успехом не увенчалась. Слишком он был предан немцам».

Советские партизаны: взгляд из Берлина

Уже с 1942 года партизаны стали представлять для вермахта и оккупационной администрации на Востоке серьезную проблему. Если сперва, как утверждалось в первом отчете начальника Тайной полевой полиции (ГФП) при Главном командовании германских сухопутных сил, «сельские жители видели в немецких солдатах освободителей от большевистского ига и ожидали от них ликвидации колхозного хозяйства и справедливого раздела земли», то в дальнейшем «все сильнее стало замечаться известное изменение настроения. Так, например, обещанная… отмена коллективных хозяйств заставляла себя ждать, и крестьяне сами приступили к разделу колхозов, но по приказу немецких органов это было приостановлено. Так как крестьяне не видели причин к этому, то с этих пор они встречали немецкие обещания с недоверием…

К этому присоединялось то, что положение крестьян становилось все тяжелее. Конфискация лошадей и повозок немецкими войсками и отсутствие сельскохозяйственных машин крайне отрицательно сказывались на обработке полей. Поголовье скота в результате усиленного убоя, незаконной реквизиции и недостатка молодняка настолько уменьшилось, что сельское население сейчас частично может выполнить план поставок только с большими трудностями. Возникшее поэтому и подогреваемое большевистскими агитаторами недовольство выражалось фразой: «Сталин оставлял в нашем хлеву по крайней мере одну корову, а немцы отнимают у нас и эту». Дружественно настроенные по отношению к немцам бургомистры заявляют по поводу реквизиций: «Насильственно и незаконно забранная у крестьянина корова означает двумя партизанами больше в лесу».

Положение русских рабочих является еще более безнадежным. Повысившиеся рыночные цены стоят в столь резком противоречии с выплачиваемой зарплатой, что недельного заработка не хватает, чтобы удовлетворить хотя бы минимальные жизненные потребности. Если сам рабочий и получает для себя небольшое дополнительное количество пищи, то его семья должна в буквальном смысле слова голодать; собираются последние остатки белья и домашней утвари, чтобы обменять их на продукты. Следствием этого является недовольство работой и, наконец, отказ от нее. Это положение и толкает многих рабочих, особенно молодых и холостых, в ряды партизан.

Еще хуже, однако, обстоит дело с беженцами из районов боевых действий. Они часто питаются своеобразным хлебом, состоящим из гнилой прошлогодней картошки, смешанной со мхом и различным мусором. Во время операций против партизан у обочины дорог неоднократно находили трупы умерших от голода беженок. В этих обстоятельствах неудивительно, что многие беженцы присоединяются к партизанам или, поодиночке и небольшими группами грабя и воруя, передвигаются по окрестностям…»

Партизаны использовали недовольство населения для привлечения новых бойцов, применяя порой несколько необычные методы набора. В отчете начальника ГФП отмечалось: «В районе Мстиславля один отпущенный из плена лейтенант Красной Армии переходил под видом бродячего музыканта из деревни в деревню и вербовал среди жителей участников и помощников партизанских отрядов. При его аресте он назвал еще трех действовавших подобным же образом бывших политруков и одного высокопоставленного партийного работника, которые после этого также были задержаны.

Если вначале большая часть населения держала себя по отношению к партизанским вербовщикам пассивно, то устная пропаганда, положение на фронте и не в последнюю очередь многочисленные большевистские листовки, которыми были просто засыпаны отдельные районы и которые, в случае отказа бороться с немцами, угрожали смертью, дали вскоре сильный толчок развитию партизанского движения…

Когда в начале 1942 года в занятых немецкой армией районах была начата вербовка людей на работу в Германию, тотчас же началась направленная против этого большевистская пропаганда. Отправка в Германию представлялась как наказание, подобное выселению в Сибирь, иногда даже утверждалось, что уехавшие отправляются не в Германию, а используются как пушечное мясо на фронте. В различных районах распространялись слухи о том, что женщинам обрезают волосы, что они должны носить нарукавные повязки, что равносильно ношению евреями лат (полосок материи длиной до 10 см, нашивавшихся спереди и сзади на верхнюю одежду. – *Б.С.*) и т.д. Ввиду обусловленного красной системой ограниченного кругозора и известных ложных сообщений со стороны большевистских правителей, большая часть населения не могла иметь правильного представления о других странах, и менее всего о Германии. Всем этим слухам верили, и в отдельных местах при отправлении рабочих происходили сцены, во время которых женщины катались в судорогах по земле. Прежде чем от уехавших в Германию рабочих прибыли первые известия, постепенно ознакомившие население с действительным положением, большое количество лиц уже ушло к партизанам, для того чтобы избежать отправки на работу.

Предпринятое зимой немецким командованием сокращение фронта дало новый материал для устной пропаганды и заставило многих опасаться возвращения красных и проведения драконовских мер возмездия».

И опасения эти, замечу, не были лишены оснований. В отчете германской тайной полевой полиции прямо признавалось, что «защита крестьян, подвергавшихся угрозам со стороны партизан, была недостаточной, работавшие на немцев бургомистры, полицейские и другие лица уводились и убивались. В некоторых деревнях нельзя больше встретить ни одного мужчины, ибо все мужчины или перешли к партизанам, или бежали из страха перед ними».

К партизанам бежали, надеясь на лучшую жизнь, причем многие забирали в лес своих жен и детей. «Подтягивались» за ними и другие родственники.

Но главную роль в усилении партизанских отрядов, по мнению начальника армейского гестапо, сыграло присоединение к ним окруженцев и бежавших или освобожденных из лагерей военнопленных. По заключению отдельных частей ГФП, «бывшие красноармейцы и военнопленные составляют около 60 процентов общей численности банд».

Тайная полевая полиция была обеспокоена не только резко обозначившейся сменой настроения у жителей оккупированных территорий, но и их своеобразными «методами» ведения войны:

«Многие задержанные женщины имели при себе яды, в том числе мышьяк, стрихнин и морфий, с помощью которых должны были быть умерщвлены после короткого знакомства немецкие солдаты и, главным образом, офицеры. После этого следовало изъять возможно находившиеся при них секретные материалы и передать их русской разведке. Один задержанный в Брянске русский хранил среди нечистот уборной 400 г яда «брудан», переданного ему одним начальником из НКВД вместе с заданием отравлять колодцы и поступать на работу в немецкие столовые, бойни и хлебопекарные роты, чтобы примешивать битое стекло и яд к продуктам. У одного партизана, после его задержания отравившего себя в камере, было найдено 50 г мышьяка, 1/200 г которого достаточно для уничтожения человека…»

Признание того, что партизаны сильно осложняли жизнь германским войскам, содержится в письме капитана Вольфганга Фидлера, отправленном 17 сентября 1943 года из Могилева его знакомому – неизвестному подполковнику вермахта. Фидлер сообщал:

«Моя новая область деятельности исключительно интересная. Условия здесь значительно отличаются от условий работы нормально действующего корпуса. Борьба с партизанами не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде, – и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железной дороге, путях сообщения, диверсионные акты на всех имеющихся предприятиях, грабежи и т.д. не сходят с

повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все больше наглеют, так как у нас, к сожалению, нет достаточного количества охранных войск, чтобы действовать решительно… На широких просторах господствуют партизаны, имея собственное правительство и управление. Следует удивляться, как вопреки существующим препятствиям мы довольно сносно обеспечиваем подвоз и снабжение фронта».

Референт СД обер-штурмбаннфюрер СС Штраух, выступая в феврале 1943-го на совещании в Минске, утверждал:

«Мы не можем позволить, чтобы расхищалась собственность, и должны принять все меры для ее охраны».

Он сетовал на отсутствие в Белоруссии местной уголовной полиции, которая успешно функционирует в Латвии и Эстонии. Но в то же время, признавал Штраух, латышских и эстонских служащих криминальной полиции в Белоруссии использовать нельзя, поскольку «латыши чувствуют себя здесь господами» и не могут поэтому взаимодействовать с белорусской полицией порядка и администрацией. Штраух продолжал:

«Мы старались привлечь в полицию и администрацию белорусов, но вы не можете представить себе трудностей, которые связаны с их воспитанием, а надежной интеллигенцией здесь мы не располагаем».

Референт СД с сожалением отмечал:

«Против нас территория и местность, к которой мы не привыкли и для которой мы недостаточно выносливы. Мы не можем двух дней обходиться без теплой пищи и должны таскать за собой полевые кухни, а русский может обойтись без этого. Мы не выдерживаем такие марши, как русские… Банды располагают лучшей разведкой, чем мы…»

Интересно, что уже в первые месяцы войны партизаны изобрели своеобразный род униформы, нечто среднее между армейским обмундированием и гражданской одеждой, хотя в большинстве своем обходились обычной местной. В отчете гестапо от 31 июля 1942 года говорилось: «В то время, как одна группа одета в светлые меховые полушубки и особого рода валенки, другие группы носят серые рубашки, черно-белые полосатые или зеленые или серые подбитые ватой брюки, зеленые или серые куртки, похожие на форму с пуговицами, шерстяные шапки на серой вате или меховые шапки без советских звезд, коричневые шинели, резиновые или кожаные сапоги с черными прорезиненными полотняными голенищами. Зимой целые партизанские отряды надевают поверх своих форм и гражданской одежды белые маскхалаты. Повторно были задержаны партизаны мужчины и женщины, носившие под гражданской одеждой полную форму Красной Армии.

Руководство партизанского движения… не только разрешает партизанам ношение формы врага, но даже настоятельно рекомендует это в необходимых случаях… Партизаны, носившие немецкую форму или форму войск союзных стран, в том числе и офицерскую форму с Железными крестами I и II класса, неоднократно нападали на целые деревни, грабили их и убивали старост, председателей колхозов и других лиц, дружественно настроенных к немцам».

Автор отчета вынужден был признать, что партизанские руководители в целом неплохо подготовились к зиме. До начала сильных холодов большая часть партизанских групп располагалась в палаточных лагерях, которые разбивались в заболоченных или вообще труднопроходимых лесах. Одни группы построили деревянные дома на столбах, другие – вырыли примитивные землянки или заняли те, что появились еще до вступления в эти области немецких войск. Так как эти убежища только в редких случаях были приспособлены для зимовки, многие партизанские группы временно разошлись. Их члены направились в расположенные в стороне населенные пункты или прятались в пустых затерянных дворах. Командиры, политруки и комиссары оставались, как правило, в лесных лагерях, откуда поддерживали связь с зимовавшими в населенных пунктах членами своих отрядов и время от времени созывали их для проведения различных операций.

Другие партизанские группы создавали лесные лагеря из крепких деревянных построек в форме блиндажа. Они имели двойные стены из толстых бревен и были «утоплены» в землю. Такие охраняемые и замаскированные убежища защищали не только от холода, но и от внезапных нападений. Здесь помещалось 20—40 человек, готовилась пища. В больших лагерях существовали медицинские пункты и бани. Вокруг жилья устраивали тщательно замаскированные от наблюдения с воздуха стойла, склады боеприпасов и продовольствия.

Партизаны могли одним прыжком с дороги оказаться на скрытой в зарослях тропе, ведущей в лагерь.

Гестапо вынуждено было признать, что партизанам порой помогали немецкие солдаты – одни из-за своих антифашистских убеждений, а другие – чтобы, оказавшись в плену, спасти собственную жизнь. Их главная задача состояла в том, чтобы, выходя в немецкой форме на шоссе, останавливать военные машины, на которые нападали лежавшие в засаде партизаны.

Как говорилось в гестаповском отчете, «в то время как одна часть партизан жила в отдаленных деревнях и кормилась за счет населения, другая часть находилась в постоянных лагерях и жила частью за счет сбрасываемых самолетами продуктов, частью производя разбойные набеги на сельское население. Для того чтобы не трогать находившихся в тайниках неприкосновенных запасов, члены банд верхом или на санях приезжали в населенные пункты, часто с целью обмана населения переодеваясь в немецкую форму, и с помощью угроз отнимали у жителей продукты и зимнюю одежду». Далее признавалось, что «снабжение крупных банд при помощи самолетов в последующее время все более совершенствовалось. Поблизости от лагерей были найдены подходящие посадочные площадки, на которые в ночные часы приземляются машины, нагруженные наряду с продовольствием боеприпасами и оружием всех видов, в том числе даже тяжелым пехотным оружием…»

Засланные в партизанские отряды агенты позволяли гестапо составить представление о боевом духе противника. По их утверждениям, большинство партизан рассчитывало на то, что к осени 1942 года занятые немецкими войсками области будут очищены Красной Армией.

Но иначе обстояло дело с людьми, насильственно уведенными в лес. Перебежчики показывали, что многие из них охотно сложили бы оружие, если бы не боялись расстрела, независимо от того, под чьи пули им пришлось бы лечь – комиссара или «фрица».

Получив уверение, что с добровольно сложившими оружие будут обращаться как с перебежчиками, целые группы этих «невольных партизан» уходили к немцам. «При немедленном тщательном допросе этих перебежчиков часто можно было получить важные данные, имевшие исключительное значение для действий производящих очищение местности частей». Во всяком случае, так утверждал начальник армейского гестапо.

Он же констатировал, что немецкая пропаганда – через листовки и расклеивание объявлений – порой не оказывала нужного воздействия на население: она попросту не всегда бывала ему понятна. «Они хотят проведения собраний, к которым их приучили большевики… Учитывая эту тягу населения к собраниям, рекомендуется направлять солдат с хорошим знанием русского языка и надежных, одаренных ораторским талантом русских на краткие курсы, где они инструктировались бы в отношении к различным актуальным вопросам, и после этого придавать их в качестве пропагандистов отдельным командам по очищению местности или разведывательным группам или же в умиротворенных районах посылать их в самостоятельные поездки». Во время этих поездок пропагандисты получают представление обо всех волнующих русское население вопросах, «благодаря чему немецкая пропаганда всегда остается актуальной и животрепещущей».

Отнюдь не идеализируя немецкую армию и своих товарищей из СС и СД, гестаповцы предупреждали:

«Необходимой предпосылкой борьбы с партизанами является пресечение всех актов произвола и бессмысленной жестокости по отношению к русскому населению. У многих солдат

хождение с дубинкой, которую они пускают в ход при первой возможности, стало чем-то само собой разумеющимся… Доверие русского населения к немецкой армии, являющееся необходимым условием для умиротворения страны, может укрепиться только в результате справедливого обращения, энергичного проведения хозяйственных мероприятий, целеустремленной и близкой к жизни пропаганде и действенной борьбе с бандитизмом…»

Но при этом отнюдь не отвергались пытки и репрессии по отношению к партизанам или к тем, кого только подозревали в принадлежности к ним или к подпольным просоветским организациям: «Допросы подавляющей части задержанных партизан проходят очень тяжело. Несмотря на строгие методы допроса (пытки и избиения. – *Б.С.*), убежденные и фанатичные члены партизанских групп отказываются дать какие-либо показания, только в момент их расстрела заявляют о своей преданности Сталину и принадлежности к партизанам. Напротив, арестованные интеллигенты и люди, принужденные присоединиться к партизанам, после индивидуального допроса почти всегда дают весьма ценные показания. Поэтому неправильно было бы сейчас же расстреливать взятых в плен в бою или перебежавших партизан, как это все еще водится в воинских частях. Задержанные воинскими частями партизаны, в интересах успешной борьбы с бандами, должны, если имеется к этому малейшая возможность, направляться быстрейшим путем в тайную полевую полицию, опытную в проведении допросов».

Жестокие допросы партизан отнюдь не были монополией ГФП. Например, командование тылового района группы армий «Север» в приказе от 14 сентября 1941 года популяризировало опыт обер-фельдфебеля Шраде: «При допросе русский постоянно пытается уклониться от прямого ответа на мучительные вопросы, причем он рассказывает о вещах, которые вообще никого не интересуют или о которых его не спрашивают. Особенно часто это бывает с женщинами. Несколько крепких пощечин значительно сокращают эту проволочку».

Вообще, вплоть до поражения под Сталинградом в борьбе с партизанами оккупанты полагались прежде всего на кнут в виде жестоких репрессий. По словам бывшего начальника полиции порядка в Белоруссии бригадефюрера СС Эберхарда Герфа, в январе 1942 года Кубе сказал ему, что «следует быть жестоким к советскому населению и не размышлять, расстреливать или не расстреливать, когда имеешь дело с русскими, а надо расстреливать, и тогда будет порядок».

Но начальник армейского гестапо на основании полугодичного опыта борьбы с партизанами пришел к выводу, что против них особенно эффективен не массовый террор, когда чаще всего страдают невиновные, а действия небольших, специально подготовленных групп из проверенных местных коллаборационистов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.